

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Лучший американский автор
детективной прозы
по версии «Нью-Йорк таймс»

ХАРЛАН КОБЕН

Впервые
на русском!

ПОБЕДИТЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Харлан Кобен

Победитель

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кобен Х.

Победитель / Х. Кобен — «Азбука-Аттикус», 2021 — (Звезды
мирового детектива)

ISBN 978-5-389-21782-9

В юности Патриша Локвуд пережила страшное потрясение: на ее глазах убили отца, а саму девушку похитили. При этом из дома исчезли две ценные картины. Несколько месяцев Патришу держали в жуткой лесной хижине, где впоследствии были обнаружены трупы девяти молодых женщин. Патрише чудом удалось сбежать, похитителей так и не нашли, а украденные картины бесследно исчезли. И вот спустя двадцать лет в пентхаусе некоего убитого мужчины находят одну из похищенных картин и кожаный чемодан с инициалами Вина Локвуда, кузена Патриши. Впервые за многие годы у Федерального бюро расследований появляется зацепка в этом глухом деле. Вин, в молодости сотрудничавший с ФБР, по просьбе фэбээровцев начинает поиски... Ведь у него есть то, чего нет у них: личная заинтересованность, редкостная удачливость и собственное представление о справедливости... Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-21782-9

© Кобен Х., 2021

© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	46
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Харлан Кобен Победитель

Harlan Coben

WIN

Copyright © 2021 by Harlan Coben

This edition is published by arrangement with Aaron M. Priest Literary Agency and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© И. Б. Иванов, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Дайане и Майклу Диссеполо с любовью и благодарностью

Глава 1

Мяч, который решит исход чемпионата, медленно движется к корзине.

Меня это не колышет.

Остальная публика на стадионе «Лукас ойл» в Индианаполисе следит за мячом, разинув рты.

Я не слежу.

Я смотрю через поле. На него.

Разумеется, я сижу в первом ряду, вблизи от центральной линии. Справа от меня знаменитость: актер, играющий Супергероя в фильмах компании «Марвел». Он в черной, до жути облегающей футболке, позволяющей демонстрировать бицепсы. Место слева занимает звезда рэпа Понтовый Папаша, чей частный реактивный самолет я купил три года назад. Его глаза скрыты под солнцезащитными очками собственного бренда. Мне нравится Шелдон (так на самом деле зовут Понтового Папашу): и он сам, и его музыка, но сегодня он сильно переигрывает с ликованием, переходит черту, за которой начинается лесть. От его энтузиазма меня бросает в дрожь.

Теперь о том, во что одет я. На мне голубой костюм в тонкую полоску, сшитый в ателье на Сэвил-роу, бедфордширские туфли бордового цвета, сделанные на заказ Бэзилем, лучшим сапожником лондонской обувной фирмы «Дж. Дж. Клеверли». Добавьте к этому шелковый розово-зеленый галстук от Лилли Пулитцер (ограниченная серия); платочек от «Эрме» выглядывает из нагрудного кармана точно на нужную длину.

Словом, на прикиде я не экономлю.

Для тех, кто не уловил подтекста, добавляю: я богат.

Мяч, путешествующий по воздуху, решит исход «Мартовского безумия», как называют баскетбольный чемпионат среди мужских команд колледжей. Странная штука, если задуматься. Вся эта кровь, пот и слезы, все эти выработки стратегии, поиск талантов и их подготовка, нескончаемые броски в одиночку где-нибудь в проезде у дома, упражнения на обводку противника, последовательные передачи... Добавьте к этому силовую тренировку с отягощениями, пробежки с рывками, пока не свалитесь с ног, годы, проведенные в затхлых спортзалах на всех уровнях, начиная с соревнований в старшей школе, турниров по мини-баскетболу, звездных гастрольных туров по линии Организации католической молодежи, турниров Ассоциации американских университетов... думаю, вы уловили мысль. И все это ради обыкновенного оранжевого мяча, который, подчиняясь законам элементарной физики, сейчас летит, вращаясь, к жерлу корзины.

Если мяч не попадет в корзину, выиграет команда Дьюкского университета. Если попадет – команда Университета штата Южная Дакота, и тогда их ошалевшие от радости фанаты повалят на поле. Супергерой «Марвела» (я об актере, сидящем справа) учился в этом университете. А Понтовый Папаша и ваш покорный слуга грызли гранит науки в Дьюкском. Оба моих соседа напряглись. Буйная толпа притихла. Время замедлило бег.

Вроде бы я должен болеть за игроков своей альма-матер, но исход меня не волнует. Я вообще не принадлежу к каким-либо фанатам. Мне всегда было наплевать, кто победит в состязании, если я или кто-то из моих близких в нем не участвует. Но почему других это так волнует? Я часто задаю себе этот вопрос.

Пока все замерли, я, не теряя времени, внимательно наблюдаю за ним.

Его зовут Тедди Лайонс. Он один из избыточного числа помощников тренера команды Южной Дакоты. Роста в нем шесть футов и восемь дюймов. Мускулистый недотепа, выросший где-нибудь на ферме. Большому Т. – он любит, когда его так называют, – тридцать три года.

Нынешнее место работы – четвертое в его послужном тренерском списке. Насколько я знаю, он неплохо владеет тактикой, но лучше всего ему удастся поиск талантливых парней.

Над стадионом звучит сигнал. Время матча истекло, хотя результат чемпионата по-прежнему под большим вопросом.

Установилась такая тишина, что слышно, как мяч ударяет в обод корзины.

Понтовый Папаша хватает меня за ногу. Мистер Супергерой «Марвела» протягивает руки, предвкушая победу и задевая трицепсом мне грудь. Мяч ударяет в обод корзины, потом еще раз и еще. Кажется, этот неодушевленный предмет дразнит толпу, прежде чем решить, кому остаться в живых, а кому умереть.

Я по-прежнему слежу за Большим Т.

Когда мяч скатывается с обода и падает на поле – что называется, промазал так промазал, – секция, где обосновались фанаты Дьюка, взрывается радостными воплями. Периферийным зрением вижу сникших болельщиков Университета Южной Дакоты. Не люблю словечко «удрученный» – странное оно какое-то, – но сейчас оно к месту. Болельщики сникли, сдулись и сильно удручены. Кое-кто даже рухнул со скамеек. У кого-то на глазах слезы. Поражение их команды стало реальностью.

А вот Большой Т. совсем не удручен.

Супергерой «Марвела» прячет свое обаятельное лицо в ладонях. Понтовый Папаша лезет ко мне обниматься.

– Вин, мы выиграли! – орет он и тут же добавляет: – Правильнее сказать, мы выигрываем, Вин¹.

Я хмуро смотрю на него. Моя мрачность подсказывает Папаше, что я ожидал большего.

– Да, ты прав, – вздыхает он; из-за оглушающего гвалта на поле я едва его слышу, и он наклоняется ко мне. – Ох и поприднужем же мы сегодня!

Понтовый Папаша выбегает на поле и вливается в неистовую толпу. Туда же спешат и другие зрители, опьяненные победой. Вскоре Папаша исчезает среди ликующих фанатов. Кто-то хлопает меня по плечу, приглашая пойти с ними. Но я сижу не шелохнувшись.

Снова смотрю в сторону скамейки, где сидел Тедди Лайонс, но он исчез.

Ничего, скоро появится.

Через пару часов я снова вижу Тедди Лайонса. Он неспешно движется в мою сторону.

И вот тут передо мной возникает дилемма.

Я намереваюсь, как говорится, сделать больно Большому Т. Без этого никак. По-прежнему не знаю, насколько это будет больно, но ущерб его физическому здоровью я нанесу значительный.

Это уже не моя дилемма.

Моя дилемма – как это сделать.

Нет, я не боюсь, что меня схватят. Эта часть операции была спланирована. Большой Т. получил приглашение на вечеринку Понтового Папаша. И сейчас он идет, как ему кажется, ко входу для ВИП-персон. Но это не так. Вечеринка происходит совсем в другом месте. Оглушительная музыка, доносящаяся из коридора, – просто маскировка.

Большой Т. идет на склад, где, кроме него и меня, – никого.

Я в перчатках. И при оружии, что делаю всегда, хотя оно мне не понадобится.

Большой Т. приближается, а потому я возвращаюсь к своей дилемме: ударить без предупреждения или, что называется, дать ему шанс?

Речь вовсе не о нравственности, честной игре и прочем в том же духе. Мне абсолютно все равно, какие понятийные ярлыки человечество клеит на те или иные поступки. Я успел побы-

¹ Непереводаемая игра слов. Имя Win и глагол win (выиграть, победить) пишутся одинаково. – *Здесь и далее примеч. перев.*

вать во многих передрягах. Когда влезаешь в драчку, правила быстро испаряются. Кусайся, лягайся, бросайся песком, используй все, что согдится в качестве оружия. Настоящие сражения ведутся ради выживания. Там нет призов и похвал за спортивное поведение. Там есть победитель и есть проигравший. Вот и все. А мухлюешь ты или нет, никого не волнует.

Короче говоря, у меня нет угрызений совести. Застать этого одиозного типа врасплох и попросту вломить ему. Если снова вспомнить просторечье, я не боюсь применить грязный прием. По сути, я так и собирался сделать: застать его врасплох. Ударить битой, ножом или рукояткой пистолета. И дело с концом.

Тогда почему план вдруг становится дилеммой?

Потому что мне недостаточно переломать ему кости. Я хочу сломить его дух. Если такой кусок мяса, как Большой Т., проиграет во вроде бы честном поединке со щуплым «старичком» типа меня (я действительно старше его, гораздо худощавее и симпатичнее, о чем говорю без ложной скромности) – словом, если он потерпит поражение от такого явного «хилиака», как я, к физической боли добавится боль унижения.

Вот чего я хочу для Большого Т.

Он уже в нескольких шагах от меня. Я принимаю решение и выхожу навстречу, преграждая ему путь. Большой Т. останавливается и хмурится. Несколько секунд он смотрит на меня. Я улыбаюсь ему. Он тоже улыбается.

– Я вас знаю, – говорит он.

– Да неужели?

– Вы были сегодня на матче. Сидели в первом ряду.

– Грешен, – отвечаю я. – Сидел.

Он протягивает мне свою мясистую лапу:

– Тедди Лайонс. Все зовут меня Большим Т.

Я нежимаю его руку. Смотрю на нее так, словно это выпяченная собачья задница. Большой Т. на секунду замирает, после чего опускает руку и делается похожим на мальчугана, которого обидели и который ждет утешения.

Я снова улыбаюсь ему. Он откашливается.

– С вашего позволения... – начинает он.

– Не позволяю.

– Что?

– Тедди, ты туговато соображаешь? – со вздохом спрашиваю я. – Я тебе не позволяю.

Нет для тебя позволения. Теперь врубаешься?

Он вновь начинает хмуриться.

– У вас проблема? – спрашивает он.

– Хм... А какой бы ответ ты выбрал?

– Не понял.

Я мог бы сказать что-нибудь вроде: «Нет, это у ТЕБЯ проблема». Или: «У меня? Да ни за что на свете». Но я не люблю банальное остроумие.

На физиономии Большого Т. появляется замешательство. С одной стороны, ему хочется попросту отпихнуть меня, но с другой – он помнит, что я сидел в ложе для знаменитостей, а значит, могу оказаться важной шишкой.

– Послушайте, – наконец говорит Большой Т., – я иду на вечеринку.

– Никуда ты не идешь.

– Это как понимать?

– Нет здесь никакой вечеринки.

– Что значит нет никакой вечеринки?

– Она в двух кварталах отсюда.

Он упирает свои мясистые руки в боки. Поза тренера.

– А это что за место?

– Я велел дать тебе неверный адрес. Смущает музыка? Это для маскировки. Охранник, который пропустил тебя на входе якобы для ВИП-персон? Он работает на меня и ушел сразу же, едва за тобой закрылась дверь.

Большой Т. дважды моргает, затем подходит ко мне. Я не отступаю ни на дюйм.

– Что происходит? – спрашивает он.

– А то, Тедди, что я собираюсь начистить тебе задницу.

Теперь он улыбается во весь рот.

– Ты? – спрашивает он, забыв про учтивость.

Его грудь шириной почти с фасадную стенку поля для сквоша. Тедди подходит ко мне вплотную, нависает надо мной и смотрит с уверенностью большого, сильного мужика, с которым, по причине его габаритов, никто не лез в драку и даже не решался задеть. Это и есть ключевой, но совершенно дилетантский маневр Большого Т.: морально давить противников своей массой и смотреть, как они сдуваются.

Разумеется, я сдуваться не собираюсь. Я вытягиваю шею и смотрю ему прямо в глаза. И теперь, впервые за все время нашей короткой встречи, вижу, как на его лице появляется тень сомнения.

Я не мешкаю.

Попытка испугать меня подобным образом была ошибкой. Она облегчила и упростила мой первый удар. Я складываю пальцы правой руки вместе наподобие наконечника стрелы и бью ему по горлу. Оттуда доносится булькающий звук. Одновременно ногой вламываю по правому колену. Из собранных данных мне известно, что он дважды перенес операцию на передней крестообразной связке.

Слышится хруст.

Большой Т. падает, как подрубленный дуб.

Я поднимаю ногу и сильно ударяю его каблуком.

Он вскрикивает.

Я снова бью. Он снова вскрикивает.

Наносу третий удар. Молчание.

Избавлю вас от остальных подробностей.

Через двадцать минут я появляюсь на вечеринке Понтового Папаши. Охранник проводит меня в заднее помещение, куда допускаются люди только трех типов: хорошенькие женщины, известные личности и толстые кошельки.

Мы празднуем напропалую до пяти часов утра. Затем черный лимузин отвозит Папашу и вашего покорного слугу в аэропорт. Частный реактивный самолет уже заправлен и ждет.

Понтовый Папаша дрыхнет весь обратный перелет до Нью-Йорка. Я принимаю душ – не удивляйтесь, в моем самолете есть душ – и переодеваюсь в серый в елочку деловой костюм фирмы «Китон», которых производят не более пятидесяти в год.

Мы приземляемся. Нас уже ждут два лимузина. Папаша устраивает сеанс затяжных рукопожатий и объятий. Такая у него манера прощаться. Наконец лимузин увозит его в Алпайн, где у него поместье. Я сажусь в другой и еду к себе в офис на Парк-авеню. Сорокавосьмизэтажное здание Лок-Хорн-билдинг принадлежит нашей семье со времени его постройки в 1967 году.

Прежде чем подняться в свой кабинет, я останавливаю лифт на четвертом этаже. В здешних офисах долгое время помещалось спортивное агентство, возглавляемое моим близким другом. Но несколько лет назад он закрыл свой бизнес. Помещения долго пустовали, поскольку во мне продолжала теплиться надежда. Я был уверен, что мой друг передумает и вернется.

Он не вернулся. И у нас появились новые арендаторы. Это Фишер и Фридман, чья контора имеет длинное название: «Юридическая фирма по защите прав жертв». На их веб-сайте – познакомившись с ним, я и предоставил им помещение, – дана более конкретная информация:

Мы поможем вам въехать по яйцам всем абьюзерам,
маниакальным поклонникам,
двуногим козлам, троллям,
извращенцам и психопатам.

Неотразимо. Я стал пассивным партнером-инвестором этой фирмы, как когда-то был таковым у спортивного агентства.

Стучусь в дверь.

– Входите, – слышится голос Сейди Фишер.

Приоткрываю дверь и просовываю голову:

– Заняты?

– У социопатов сезон обострения, – отвечает Сейди, не поднимая головы от монитора. – Жертв прибавилось.

Она, конечно же, права. Потому я и вложился в их фирму. Мне импонирует их работа по защите жертв домогательств и избиений, но одновременно я вижу, как растет число общественно опасных мужчин, которым сперма ударяет в голову.

– Я думала, вы отправились в Индианаполис на матч, – говорит она, наконец отрываясь от экрана.

– Я там побывал.

– Ах да, у вас частный самолет. Иногда я забываю, насколько вы богаты.

– Неправда. Не забываете.

– Верно. Итак, что случилось?

Модные очки и розовый брючный костюм, облегающий, с глубоким вырезом, делают ее похожей на темпераментную библиотекаряшу. Мне она объясняла, что одевается так намеренно.

Когда Сейди только начала представлять в судах интересы женщин, подвергшихся сексуальному домогательству и насилию, ей было настоятельно рекомендовано одеваться консервативно, выбирая унылую, бесформенную одежду. Это придавало «невинности» ее облику. Но Сейди понимала, что такие наряды лишь усиливали чувство вины у ее подзащитных.

И что она сделала? Прямо противоположное.

Я не знаю, как начать разговор, и потому говорю:

– Слышал, одна ваша клиентка попала в больницу. – (Это привлекает внимание Сейди.) – Как вы думаете, уместно ли послать ей что-нибудь?

– Что, Вин?

– Цветы, шоколадные конфеты...

– Она находится в палате интенсивной терапии.

– Тогда, может, мягкую игрушку. Воздушные шары.

– Шары?

– Просто какой-нибудь знак внимания от нас.

Сейди вновь поворачивается к монитору:

– Наша клиентка жаждет единственного, чего мы вряд ли сможем ей дать: справедливости.

Я открываю рот, собираясь ответить, но решаю промолчать, выбирая мудрость и осмотрительность вместо бравады и стандартных слов утешения. Уже собираясь выйти, я вдруг замечаю в приемной двоих – мужчину и женщину. Оба устремляются ко мне.

– Виндзор Хорн Локвуд? – спрашивает женщина.

Прежде чем они успевают предъявить свои жетоны, я догадываюсь: это люди из правоохранительных органов.

Сейди тоже догадалась. Она мгновенно поднимается с места и подходит ко мне. У меня чертова куча адвокатов, но их услугами я, естественно, пользуюсь в деловых целях. В личных

делах мне всегда помогал упомянутый спортивный агент, он же юрист. Я ему всецело доверял. Но теперь, когда наши пути разошлись, Сейди инстинктивно взяла его роль на себя.

– Виндзор Хорн Локвуд? – вновь спрашивает женщина.

Это мое имя. Если быть точным, мое полное имя звучит так: Виндзор Хорн Локвуд III. По имени видно, что я принадлежу к династии тех, кого называют «старые деньги». Я и выгляжу соответственно: румяное лицо, светлые с проседью волосы, тонкие патрицианские черты и величественная осанка. Я не скрываю, кем являюсь. Да и с чего бы мне скрывать?

«Неужели я вляпался с Большим Т.?» – проносится у меня в голове. Я опытен в подобных делах. Даже очень опытен. Но и мне свойственно допускать ошибки.

Сейди уже почти рядом со мной. Я жду, даю ей возможность задать свой вопрос:

– А кто им интересуется?

– Спецгент ФБР Карен Янг, – представляется женщина.

Янг – чернокожая. На ней облегающая кожаная куртка коньячного цвета. Под курткой – темно-синяя рубашка, застегнутая на все пуговицы. Слишком уж модный прикид для спецгента.

– А это – мой партнер, спецгент Хорхе Лопес.

Лопес одет более традиционно. Костюм цвета мокрого асфальта, унылый красно-коричневый галстук.

Оба предъявляют нам жетоны.

– Чем вызван ваш приход? – спрашивает Сейди.

– Мы хотели бы поговорить с мистером Локвудом.

– Это я поняла, – с долей язвительности произносит Сейди. – О чем?

Янг улыбается и прячет жетон в карман:

– Об убийстве.

Глава 2

Мы заходим в тупик. Янг и Лопес намерены меня куда-то увезти, причем без объяснений.

Сейди категорически против. Наконец я вмешиваюсь, и мы приходим к некоему соглашению. Я поеду с ними, но меня не будут ни допрашивать, ни даже расспрашивать без присутствия адвоката.

Сейди, которая куда мудрее своих тридцати лет, это не нравится. Она отводит меня в сторону и говорит:

– Они так и так будут вас расспрашивать.

– Знаю. Это не первое мое столкновение с властями.

Не второе, не третье и... но Сейди подобное не касается. Я не собираюсь упираться, но и ее «адвокатская поддержка» мне не нужна. На это у меня три причины. Во-первых, Сейди должна ехать в суд, и мне неловко ее задерживать. Во-вторых, если дело касается Тедди Лайонса – Большого Т., – Сейди незачем об этом знать, особенно прямо сейчас. И в-третьих, это убийство вызывает у меня любопытство. Я чувствую себя на редкость уверенным. Попробуйте привлечь меня к ответу.

Я покидаю офис и сажусь с ними в машину. Мы едем в северном направлении. Машину ведет Лопес. Янг сидит рядом с ним. Я устроился на заднем сиденье. Странно, но я почти физически ощущаю беспокойство обоих. Оба пытаются вести себя профессионально, и это им удается, но под слоем профессионализма я ощущаю некое подводное течение. Убийство явно не из категории обычных. Есть в нем какая-то закавыка. Спецагенты пытаются это скрыть, но их волнение действует как феромон, и мой нос улавливает соответствующий «запах».

Обработку меня Лопес и Янг начинают с традиционной молчанки. Теоретически это очень простой прием: большинство людей не выносят молчания и любым способом пытаются его нарушить, порой говоря такое, что потом может быть поставлено им в вину.

И теперь парочка спецагентов пробует эту тактику на мне. Чувствую себя почти оскорбленным.

Разумеется, я не поддаюсь на их уловку. Разваливаюсь на сиденье, сцепляю пальцы и смотрю в окно машины, словно турист, впервые приехавший в этот большой дрянной город.

– Мы знаем, кто вы, – наконец произносит Янг.

Я сую руку в карман пиджака и нажимаю кнопку на мобильном телефоне. Теперь наш разговор записывается, и запись пойдет прямиком в облачное хранилище на случай, если мои новые друзья из ФБР обнаружат, что я вел запись, и предпочтут ее стереть или сломать мобильник.

Я всегда готов к неожиданностям.

Янг поворачивается ко мне:

– Я сказала, что мы знаем, кто вы. – (Я продолжаю молчать.) – В свое время вы работали на ФБР.

Итак, они знают о моих связях с Федеральным бюро расследований. Это меня удивляет, хотя я и не показываю своего удивления. Я действительно работал на ФБР сразу после окончания Дьюкского университета, однако моя работа была строго засекречена. Кто-то им рассказал, причем кто-то наверху. Еще одно доказательство, что убийство не из обычных.

– Слышали о вашей успешной работе, – говорит Лопес, встретившись со мной взглядом в зеркале заднего вида.

Быстро же они перешли от игры в молчанку к лести. Я по-прежнему не говорю ни слова.

Мы едем по Централ-Парк-Вест – улице, на которой я живу. Вероятность того, что убийство как-то связано с Большим Т., значительно уменьшается. Во-первых, я знаю, что Большой Т. жив, хотя и не сказать, чтобы невредим. Во-вторых, если бы федералы хотели допросить

меня по инциденту с ним, мы бы отправились на юг, в их штаб-квартиру на Федерал-плаза, 26. Но мы едем в противоположном направлении, приближаясь к «Дакоте», фешенебельному жилому дому на углу Централ-Парк-Вест и Семьдесят второй улицы.

Принимаю это к сведению. Сейчас я живу один, значит жертва не из числа дорогих мне людей. Возможно, суд выдал ордер на обыск моей квартиры и нашел какой-то компромат, который они собираются использовать против меня. Но это тоже маловероятно. Один из швейцаров «Дакоты» сразу бы сообщил мне о вторжении. И потом, сработала бы скрытая сигнализация и мне на мобильник поступил бы сигнал. К тому же я не отличаюсь беспечностью и не держу у себя дома ничего такого, что могло бы навлечь подозрение властей.

К моему удивлению, Лопес везет меня мимо «Дакоты». Мы едем дальше. Проехав шесть кварталов, мы приближаемся к Музею естественной истории. Замечаю две служебные машины нью-йоркской полиции, стоящие напротив «Бересфорда», еще одного знаменитого довоенного многоквартирного дома на Восемьдесят первой улице.

Лопес внимательно разглядывает меня в зеркале заднего вида. Я смотрю на него и хмрюсь.

Униформа швейцаров «Бересфорда», похоже, навеяна формой советских генералов конца тысяча девятьсот семидесятых. Лопес подъезжает к тротуару и останавливается. Янг поворачивается ко мне:

– У вас есть знакомые в этом доме?

В ответ я молча улыбаюсь.

– Хорошо, тогда я прошу вас выйти из машины, – качая головой, говорит она.

Лопес справа, Янг слева – в таком порядке мы входим в мраморный вестибюль и идем к приветливо распахнутым дверям лифта. Кабина отделана деревянными панелями. Когда Лопес нажимает на кнопку верхнего этажа, я понимаю, что мы отправляемся в «разреженный слой атмосферы», выражаясь фигурально, буквально и, главным образом, финансово. Один из моих сотрудников, вице-президент «Лок-Хорн секьюритиз», владеет в «Бересфорде» классической шестикомнатной квартирой на четвертом этаже, из окон которой открывается ограниченный вид на парк. Он заплатил за нее более пяти миллионов долларов.

– Вы хоть догадываетесь, куда мы едем? – спрашивает меня Янг.

– Вверх, – отвечаю я.

– Забавный ответ.

Я хлопаю ресницами, изображая скромность.

– Мы едем на самый верхний этаж, – поясняет она. – Вы когда-нибудь там бывали?

– Полагаю, что нет.

– Вы знаете, кто там живет?

– Полагаю, что нет.

– А я-то думала, богачи знакомы друг с другом.

– Это стереотипное мнение и вдобавок ошибочное.

– Но ведь вы все-таки уже бывали в этом доме?

Я предпочитаю молчать. В этот момент двери лифта со звоном открываются. Я думал, мы попадем прямо в прихожую роскошной многокомнатной квартиры. В панорамных квартирах выход из лифта часто устраивается внутри. Однако мы оказываемся в темном коридоре. Обои здесь тканевые, насыщенного красно-бурого цвета. Дверь справа распахнута, за ней видна чугунная винтовая лестница. Лопес идет первым. Янг кивком предлагает мне следовать за ним. Я подчиняюсь.

Все окружающее пространство забито хламом.

По обеим сторонам ступенек громоздятся шестифутовые стопки старых журналов, газет и книг. Я замечаю журнал «Тайм» – номер за 1998 год. Нам приходится идти боком, иначе не протиснуться сквозь узкий проход.

В воздухе разлито удушающее зловоние.

Конечно, это словесный штамп, но вполне уместный: запах разлагающегося человеческого тела не сравнить ни с чем. Янг и Лопес прикрывают нос и рот. Я этого не делаю.

«Бересфорд» имеет четыре башни – на каждом углу здания. Мы выходим на площадку северо-восточной башни. Обитатель – теперь уже бывший – самого верхнего этажа одного из самых престижных жилых зданий Манхэттена был первостатейным скопидомом и барахольщиком. Мы продвигаемся с большим трудом. Четверо криминалистов, одетых соответствующим образом и с пластиковыми шапочками на голове, штурмуют завалы хлама, пытаюсь заниматься своим делом.

Труп уже помещен в черный пластиковый мешок. Меня удивляет, что его до сих пор не увезли, но здесь странности подстерегают на каждом шагу.

Все еще не понимаю, зачем я здесь понадобился.

Янг показывает мне фотографию. Скорее всего, это и есть убитый. Глаза закрыты, простыня натянута до самого подбородка. Он немолод. Кожа землистого цвета. Я бы предположил, что ему семьдесят с небольшим. Лысина на макушке. Остатки давно не стриженных волос целиком закрыли уши. У него длинная, густая, курчавая борода грязновато-белого цвета, отчего кажется, что в момент фотосъемки он ел барашка.

– Вы его знаете?

Я решаю говорить правду.

– Нет. – Я возвращаю снимок. – Кто он?

– Жертва.

– Благодарю, об этом я уже догадался. Как его звали?

Агенты переглядываются.

– Мы не знаем.

– Вы спрашивали владельца квартиры?

– Мы считаем, что убитый и был владельцем, – отвечает Янг.

Я жду продолжения.

– Это помещение в башне около тридцати лет назад купило какое-то общество с ограниченной ответственностью через офшорную компанию-«невидимку».

Офшорная компания, следов которой не установить. Это мне очень хорошо знакомо. Я часто пользуюсь подобными финансовыми инструментами, и не столько для уклонения от налогов, хотя в этом есть побочная выгода. В моем случае, как и в случае нашего покойного барахольщика, такие меры больше направлены на сохранение анонимности.

– Как насчет удостоверения его личности? – спрашиваю я.

– Пока не обнаружено.

– А обслуживающий персонал дома...

– Он жил один. Все, что заказывал, доставлялось к двери. В коридорах верхних этажей нет видеокамер, а если и есть, персонал в этом не признается. Плата за жилье аккуратно поступала от ООО. Швейцары прозвали его Отшельником. По их словам, он таковым и был. Из дому выходил редко, а когда выходил, пользовался тайным подвальным выходом. Управляющий обнаружил его тело утром, когда запах стал проникать на нижний этаж.

– И никто в доме не знает, что он за птица?

– Те, кого успели опросить, не знают, – ответила Янг. – Но мы продолжаем поквартирный обход.

– И тут возникает вполне очевидный вопрос.

– Какой?

– Зачем вы меня сюда привезли?

– Чтобы показать спальню. – Янг ждет моего ответа, но я молчу. – Идемте с нами.

Мы поворачиваем направо. В окнах мелькает круглая громада планетария Музея естественной истории. Слева – Центральный парк во всей его красе и величии. Из окон моей квартиры тоже открывается впечатляющий вид на парк, но «Дакота» имеет всего девять этажей, а мы находимся на двадцать третьем.

Меня нелегко удивить, но, едва переступив порог спальни и поняв, почему я здесь оказался, я замираю от удивления. Мне не шевельнуться. Я падаю в прошлое, словно изображение передо мной – это временной портал... Я превращаюсь в восьмилетнего мальчишку, украдкой пробирающегося в дедовскую гостиную фамильного особняка Локвуд-мэнор. Остальные члены моей обширной семьи по-прежнему находятся в саду. На мне черный костюм. Я один стою на узорчатом паркетном полу. Это было еще до крушения семьи, а может, оглядываясь на прошлое с высот настоящего, – это самый момент появления первой трещины. День похорон деда. Гостиная, его любимая комната, густо обрызгана каким-то дезинфицирующим средством со сладковатым запахом, но оно не могло заглушить знакомый, успокоительный запах табака дедовской трубки. Я наслаждаюсь этим запахом. Потом робко протягиваю руку и трогаю кожаную обивку его любимого кресла, почти ожидая, что сейчас появится дед в своем кардигане, шлепанцах и с трубкой в руке. Постепенно мое восьмилетнее «я» набирается смелости, и я усаживаюсь в кресло с подголовником. Садясь, я, подражая деду, устремляю взгляд на стену над камином.

Я знаю, что Янг и Лопес следят за моей реакцией.

– Мы поначалу думали, что это подделка, – говорит Янг.

Я продолжаю смотреть, как смотрел в свои восемь лет, сидя в дедовском кресле.

– Поэтому мы пригласили искусствоведа из Мета, – продолжает Янг; «Мет» – жаргонное словечко, обозначающее Метрополитен-музей. – Она хочет переместить портрет в музейную лабораторию и провести ряд проверок, чтобы убедиться окончательно. Но она и так достаточно убеждена, что вещь подлинная.

В отличие от остальной башни, спальня барахольщика поражает чистотой, порядком и утилитарностью. Кровать у стены застелена, простая, без изголовья. На прикроватной тумбочке только очки и книга в кожаном переплете. Теперь я знаю, зачем меня сюда привезли: чтобы увидеть единственную вещь, висящую на стене.

Картину маслом кисти Яна Вермеера с простым названием «Девушка за вёрджинелом».

Да, это Вермеер. Да, эта картина.

Она, как и большинство из дошедших до нас тридцати четырех полотен Вермеера, невелика по размерам: полтора фута в высоту и фут и четыре дюйма в ширину. Но она захватывает и покоряет своей неотразимой простотой и красотой. Эту «Девушку» почти сто лет назад купил мой прадед. Картина висела в гостиной Локвуд-мэнора. Ее стоимость по нынешним ценам превышает двести миллионов долларов. Мои предки не были коллекционерами. Мы владели всего двумя шедеврами: упомянутой картиной Вермеера и «Чтением» Пикассо. Двадцать с лишним лет назад моя семья передала оба полотна для временной экспозиции в Локвудской галерее Зала основателей в кампусе Хаверфордского колледжа. Возможно, вы читали о дерзком ночном ограблении. За годы, прошедшие после исчезновения картин, в СМИ постоянно мелькали ложные сообщения об их местонахождении. Так, картину Вермеера якобы недавно видели на яхте ближневосточного шейха. Ни одно сообщение – некоторые я проверял лично – не подтвердилось. Высказывались предположения, что кража обеих картин – дело рук преступного синдиката, ранее похитившего тринадцать полотен из Музея Изабеллы Стюарт Гарднер в Бостоне. В числе похищенных были картины Рембрандта, Мане, Дега и одна вещь Вермеера.

И в том и в другом случае ни одна из украденных картин не была обнаружена.

Вплоть до этого дня.

– Ваши соображения? – спрашивает Янг.

На стене гостиной в доме деда я повесил две пустые рамы: напоминание о похищенных картинах и обещание, что фамильные шедевры когда-нибудь вернуться.

Похоже, обещание наполовину выполнено.

– А картина Пикассо? – спрашиваю я.

– Пока не видели, – отвечает Янг. – Но вы же понимаете: здесь еще смотреть и смотреть.

«Чтение» гораздо крупнее: пять футов в высоту и четыре в ширину. Будь картина здесь, скорее всего, ее бы уже нашли.

– Еще соображения? – интересуется Янг.

Я указываю на стену:

– Когда я смогу забрать картину домой?

– Оформление займет какое-то время. Вы же знаете правила.

– Я знаю известного искусствоведа и реставратора из Нью-Йоркского университета. Его зовут Пьер-Эмманюэль Кло. Я бы хотел, чтобы с картиной работал он.

– У нас есть свои специалисты.

– Нет, спецгент, у вас их нет. Вы же сами говорили, что утром наобум позвали первого искусствоведа, который встретился вам в Мете.

– Едва ли наобум.

– Я прошу немного, – продолжаю я. – Упомянутый мной человек обладает необходимыми знаниями для обращения со старинной живописью и ее атрибуции. Если понадобится, он способен реставрировать шедевр. Специалистов его уровня во всем мире можно пересчитать по пальцам.

– Мы подумаем, – отвечает Янг, стараясь вернуть разговор в нужное ей русло. – Можете еще что-нибудь сказать?

– Этого старика задушили или ему перерезали горло?

Спецагенты снова переглядываются, потом Лопес откашливается и начинает:

– Откуда вам...

– Простыня натянута под самый подбородок, – перебиваю его я. – Вы же показывали мне фотографию. Предполагаю, это было сделано, чтобы скрыть травму.

– Давайте не будем этого касаться, – встревает Янг.

– Можете назвать время наступления смерти? – спрашиваю я.

– И этого тоже не будем касаться.

Иными словами, я числюсь у них в подозреваемых.

Вот только не понимаю почему. Уж если бы я прикончил старика, то забрал бы картину с собой. А может, и не забрал бы. Допустим, мне хватило ума убить его и оставить картину на месте, чтобы ее нашли и вернули моей семье.

– Есть у вас еще какие-либо соображения, которые могли бы нам помочь? – спрашивает Янг.

Я не заморачиваюсь с банальной теорией, по которой Отшельник был вором, кравшим картины. Большую часть украденного он сбывал, а полученные деньги пускал на то, чтобы скрываться от правосудия. Создал анонимную офшорную компанию, купил апартаменты. Вермеера он оставил себе. Возможно, любил эту картину или ее было очень трудно продать. Не хотел попадаться на горяченьком.

– Итак, до сегодняшнего дня вы никогда здесь не были, – продолжает Янг, тон у нее нарочито непринужденный; я молчу. – Мистер Локвуд, я к вам обращаюсь.

Интересная штука получается. Они твердо уверены, что у них есть доказательства моих прежних визитов в эту башню. Но я здесь никогда не был. Ясно мне и другое: они решились на нестандартный трюк и привезли меня на место преступления, чтобы выбить из колеи и расколоть. Если бы они следовали нормальному протоколу расследования убийства и отвезли

меня к себе на допрос, я был бы начеку, выстраивая стратегии защиты. Скорее всего, я бы потребовал присутствия адвоката по уголовным делам.

Неужели они думают, что я попался в их сети?

– От имени моей семьи я выражаю благодарность за обнаружение картины Вермеера. Надеюсь, теперь вскоре найдется и украденная у нас картина Пикассо. А сейчас я намерен вернуться к себе в офис.

Янг и Лопесу это не нравится. Янг смотрит на Лопеса и кивает. Тот выходит из спальни.

– Один момент, – говорит Янг.

Она лезет в папку, достает другой снимок и показывает мне. Я снова удивлен.

– Мистер Локвуд, вы узнаете это?

– Называйте меня просто Вин, – предлагаю я, чтобы выиграть время.

– Хорошо, Вин. Вам это знакомо?

– Вы же видите, что да.

– Если не ошибаюсь, это ваш фамильный герб?

– Да, это он.

– Нам понадобится много времени, чтобы тщательно осмотреть квартиру жертвы, – продолжает Янг.

– Допустим, – отвечаю я, не понимая, куда она клонит.

– Но кое-что мы уже нашли. Помимо картины. В шкафу этой спальни. – Янг улыбается, а у нее, оказывается, приятная улыбка. – Всего один предмет.

Я жду.

В спальню возвращается Лопес. Вслед за ним входит криминалист с чемоданом из крокодиловой кожи, украшенным металлическими накладками. Я мгновенно узнаю этот чемодан, но не верю своим глазам. Бессмыслица какая-то!

– Вы узнаете этот чемодан? – спрашивает Янг.

– Вы считаете, я должен его узнать?

Но я уже узнал его. Много лет назад тетушка Плам заказала такие чемоданы для всех мужчин семьи. Все они украшены фамильным гербом и монограммами с нашими инициалами. Когда она вручила мне подарок, я изо всех сил постарался не нахмуриться. Мне тогда было четырнадцать. Я не возражаю против дорогих и роскошных вещей. А вот против вещей вульгарных, на которые напрасно потрачены деньги, возражаю.

– На чемодане есть монограмма с вашими инициалами.

Криминалист наклоняет чемодан, и я вижу безвкусную монограмму а-ля барокко с инициалами ВХЛЗ.

– Это ведь ваши инициалы? ВХЛЗ означает Виндзор Хорн Локвуд Третий?

Я не шевелюсь, не произношу ни слова и вообще ничем не выдаю своего состояния. Пусть мои слова не покажутся вам излишне мелодраматичными, но находка перевернула мой мир.

– Итак, мистер Локвуд, у вас есть желание рассказать нам, каким образом ваш чемодан очутился здесь?

Глава 3

Янг и Лопес хотят объяснений. Я начинаю с абсолютной правды: этот чемодан я не видел много лет. Сколько? Здесь память меня подводит. Я повторяю, что много. Более десяти? Да. Более двадцати? Я пожимаю плечами. Могу ли я хотя бы подтвердить, что чемодан действительно принадлежит мне? Нет. Вначале я хочу пристально его рассмотреть, открыть и взглянуть на содержимое. Как я и думал, Янг это не нравится. Не могу ли я ограничиться внешним осмотром и подтвердить, что чемодан мой? Я извиняюсь и отвечаю, что никак не могу. Лопес напоминает про мои инициалы и фамильный герб. Да, герб и инициалы действительно мои, но это не значит, что кто-то не мог сделать точную копию чемодана. Зачем кому-то это понадобилось? Чего не знаю, того не знаю.

Вот так.

Через какое-то время я спускаюсь по винтовой лестнице, захожу в укромный уголок и отправляю эсэмэску своему помощнику Кабиру с просьбой немедленно послать машину к «Бересфорду». Незачем возвращаться обратно в сопровождении федералов. Помимо этого, я прошу его подготовить вертолет для срочного полета в Локвуд, семейное поместье в Мейн-Лайне, пригороде Филадельфии. Обстановка на дорогах между Манхэттеном и Филадельфией непредсказуема. В такое время поездка туда может занять часа два с половиной. На вертолете я доберусь за сорок пять минут.

Мне нельзя терять время.

Черная машина дожидается меня на Восемьдесят первой улице. Взлетная площадка находится на Тридцатой, у Гудзона. Пока едем туда, я звоню на мобильный своей двоюродной сестре Патрише.

– Излагайте, – как всегда, произносит она.

– Хитрюга, – говорю я и невольно улыбаюсь.

– Прости, братец. Все о'кей?

– Да.

– Я тебя уже чертову пропасть времени не слышала.

– А я тебя.

– И чем я обязана удовольствию слышать твой голос?

– Я еду к вертолетной площадке, затем полечу в Локвуд. – (Патриша молчит.) – Мы можем встретиться?

– В Локвуде?

– Да.

– Когда?

– Через час.

Она медлит с ответом, что вполне объяснимо.

– Меня не было в Локвуде, когда...

– Знаю.

– У меня назначена важная встреча.

– Отмени ее.

– Просто взять и отменить? – (Я жду.) – Вин, что происходит? – (Я продолжаю ждать.) – Понятно. Если бы ты хотел сказать по телефону, то сказал бы.

– До встречи через час, – говорю я и отключаюсь.

Мы летим над мостом Бенджамина Франклина, переброшенным через реку Делавэр, естественную границу между Нью-Джерси и Пенсильванией. Минуты через три в поле зрения появляется Локвуд-мэнор, совсем как в начале какого-нибудь фильма. Не хватает лишь музыкального сопровождения. Вертолет «Огаста Уэстленд AW169» пролетает над старыми камен-

ными стенами, висит над поляной и опускается на лужайку возле постройки, которую мы по-прежнему зовем новой конюшней. Лет двадцать пять тому назад я снес старую, построенную еще в XIX веке. Сам этот шаг был тошнотворно-сентиментальным с моей стороны, что мне не свойственно. Я убедил себя, что полный снос старой конюшни и строительство новой растормошит в мозговом хламе память.

Не растормошил.

Когда я впервые привез в Локвуд своего друга Майрона – мы тогда были первокурсниками и приехали в середине семестра на каникулы, – тот покачал головой и сказал: «Похож на Уэйн-мэнор». Естественно, речь шла о Бэтмене. Фильмов о нем полно, но я имею в виду изначальный телесериал с Адамом Уэстом и Бертом Уордом; единственный Бэтмен, которого мы признавали. Я понял смысл слов Майрона. Наш особняк имеет свою ауру, свое величие и размах, но бэтменовский Уэйн-мэнор выстроен из красного кирпича, а Локвуд – из серого камня. За прошедшие годы к основному зданию с обеих сторон пристроили по крылу. Это сильно изменило облик Локвуда, хотя пристройки были сделаны со вкусом и не нарушают общего стиля. Они светлее и комфортабельные, там есть кондиционеры, но архитектор явно перестарался. Они лишь копии. А мне нужны старые камни, старое пространство Локвуда. Я должен ощущать сырость, плесень, сквозняки.

Но теперь я бываю здесь только наездами.

Меня вышел встречать Найджел Дункан, давнишний дворецкий нашей семьи и по совместительству семейный адвокат – вот такая причудливая смесь. У него лысая макушка, которую он тщательно прикрывает остатками волос, и двойной подбородок. Он предпочитает одеваться во все серое. На нем серые спортивные штаны с логотипом Университета Вилланова, завязанные на объемистом животе, и такая же серая толстовка с капюшоном и надписью «Penn» на груди.

– Миленький у тебя прикид. – Я награждаю его хмурым взглядом.

– Мастеру Вину предпочтительнее видеть меня во фраке? – Найджел отвечает изящный поклон.

Найджел считает себя остроумным.

– Никак у тебя на ногах конверсы от Чака Тейлора? – Я указываю на его кеды.

– Да. Шикарная обувь.

– Если ты в восьмом классе.

– Ай! – морщится он и добавляет: – Мы тебя не ждали, мастер Вин.

Он постоянно дразнит меня, называя «мастером». Я позволяю.

– Сам не ожидал, что прилечу.

– Все в порядке?

– В полнейшем.

Иногда кажется, что у Найджела английское происхождение, но в нем ни капли английской крови. Он родился в этом поместье. Его отец работал на моего деда, как сейчас сам Найджел работает на моего отца. Но его жизненный путь не повторяет судьбу Дункана-старшего. Мой отец оплатил его учебу в Пенсильванском университете и юридическом колледже. С одной стороны, он хотел дать Найджелу больше жизненных перспектив, чем имеет обычный дворецкий, а с другой – связал по рукам и ногам обязательством до конца дней оставаться в Локвуде, продолжая семейную традицию.

К вашему сведению: богатые великолепно умеют пользоваться щедростью для получения желаемого.

– Ты останешься на ночь? – спрашивает Найджел.

– Нет.

– Твой отец еще спит.

– Не надо его будить.

Мы идем к дому. Найджелу хочется узнать причину моего визита, но подобных вопросов он не задает.

– А знаешь, твоя одежда сливается с камнями здания, – замечаю я.

– Потому я и ношу серое. Это камуфляж.

Я бросаю мимолетный взгляд на конюшню. Найджел это замечает, но не подает вида.

– Вскоре сюда подъедет Патриша, – говорю я.

Найджел останавливается и поворачивается ко мне:

– Речь о твоей двоюродной сестре?

– О ней.

– Надо же.

– Ты проводишь ее в гостиную?

Я поднимаюсь по каменным ступеням и вхожу в гостиную. Здесь до сих пор чувствуется слабый запах трубочного табака. Я знаю, что такое невозможно. Почти сорок лет здесь никто не курил трубку. Мозг лишь создает ложные картины, звуки и еще чаще – запахи. Однако я на самом деле чувствую этот запах. Возможно, запахи могут сохраняться десятками лет, особенно те, которые нам дороги.

Я подхожу к камину и смотрю на пустую раму, висящую на месте украденной картины Вермеера. «Чтение» Пикассо находилось на противоположной стене. Общая стоимость «Локвудской коллекции» составляла триста миллионов долларов всего за две картины.

За спиной слышится стук каблучков по мраморному полу.

Кеды старины Чака Тейлора такого звука не производят.

Найджел откашливается. Я продолжаю стоять спиной.

– Прикажешь доложить о ее прибытии?

Я поворачиваюсь и вижу ее. Мою двоюродную сестру Патришу.

Ее взгляд обходит гостиную и только потом останавливается на мне.

– Странно вернуться сюда, – произносит она.

– Это было слишком давно, – говорю я.

– Я того же мнения, – добавляет Найджел.

Мы оба смотрим на него. Он понимает намек:

– Я буду наверху. Зовите, если понадобится.

Выходя, он закрывает массивные двустворчатые двери, и те издают зловеющий стук. Какое-то время мы с Патришей стоим молча. Ей, как и вашему покорному слуге, за сорок. Наши отцы были родными братьями. Виндзор Второй и Олдрич оба были светлокочими и светловолосыми, опять-таки как ваш покорный слуга. Но Патриша пошла в свою мать Алину, бразильянку родом из города Форталеза. В семье разразился скандал, когда дядя Олдрич вернулся из затяжного благотворительного турне по Южной Америке и привез с собой двадцатилетнюю красавицу. У Патриши короткая изысканная стрижка. Она приехала в синем платье, простом и одновременно шикарном. У нее сверкающие миндалевидные глаза. Обычное выражение ее лица... не хочется пользоваться штампом «стервозное»; нет, оно захватывающе меланхоличное и удивительно красивое. Добавлю, что у нее привлекательная, телегеничная фигура.

– Так что случилось? – спрашивает Патриша.

– Вермеер нашелся.

– Серьезно?

Чувствуется, новость ее ошеломила.

Я рассказываю про барахольщика, башню в «Бересфорде» и убийство. Я не отличаюсь ни утонченностью, ни тактом и сейчас собираюсь с силами, чтобы сказать главное. Патриша пристально смотрит на меня, и я снова падаю во временной портал. В детстве мы часами лазали по окрестностям Локвуда. Мы играли в прятки. Катались на лошадях. Плавали в пруду и озере.

Играли в шахматы и нарды и овладевали премудростями игры в гольф и теннис. Когда на Локвуд накатывали волны напыщенности и угрюмости, а такое случалось сплошь и рядом, Патриша просто смотрела на меня и закатывала глаза, отчего я невольно улыбался.

За свою жизнь я признался в любви всего одному человеку. Всего одному.

Это признание не было адресовано какой-то особой женщине, которой удалось разбить мне сердце. Мое сердце ни разу не разбивалось и даже не щемило. Нет, я признался в любви своему платоническому другу Майрону Болитару. Короче говоря, в моей жизни не было великой любви, только великая дружба. То же могу сказать и о своих родных. Мы связаны кровными узами. У меня сердечные, откровенные и, пожалуй, даже идеальные отношения с отцом, родными, двоюродными и троюродными братьями и сестрами, тетями и дядями. А вот с матерью у меня не было вообще никаких отношений. С тех пор как мне исполнилось восемь, я не видел ее и не общался с ней, пока она не умерла. Мне тогда уже было за тридцать.

Вот таким окольным путем я рассказываю вам о том, что Патриша всегда была моей самой любимой родственницей. Мое отношение к ней не изменилось и после того, как между нашими отцами возник разлад. Потому-то она с подросткового возраста перестала бывать в Локвуде. Даже после ужасной трагедии, сделавшей этот разлад непоправимым и, к величайшему сожалению, вечным.

Выслушав мои объяснения, Патриша говорит:

– Все это ты мог сообщить мне и по телефону.

– Да.

– Значит, есть что-то еще? – (Я мешкаю с ответом.) – Вот черт!

– Что?

– Вин, ты мнешься, что на тебя совсем не похоже... или дело гораздо хуже? – Патриша делает шаг в мою сторону. – Выкладывай, что там еще?

– Чемодан тети Плам.

– А чемодан тут при чем?

– У барахольщика нашли не только Вермеера. У него был и чемодан.

Мы стоим молча. Моей сестренке Патрише нужно время, чтобы переварить услышанное. Я ей не мешаю.

– Что значит «у него был и чемодан»?

– То и значит. Среди вещей барахольщика оказался чемодан.

– Ты его видел?

– Видел.

– И они не знают, кто этот барахольщик?

– Не знают. Они не установили его личность.

– Ты видел его тело?

– Я видел фотографию его лица.

– Опиши. – (Я выполняю ее просьбу.) – Это мог быть кто угодно, – говорит она, когда я заканчиваю словесный портрет.

– Знаю.

– Лицо ничего не значит, – добавляет Патриша. – Он всегда надевал лыжную маску. Или... или завязывал мне глаза.

– Знаю, – более мрачным тоном повторяю я.

Раздается бой напольных часов в углу. Мы молчим, пока они не отзвонят.

– Но есть шанс. В смысле, даже вероятность...

Патриша направляется ко мне. До того мы стояли в разных концах гостиной, но теперь нас разделяет не больше ярда или двух.

– Человек, укравший картины, также...

- Я бы не торопился с выводами.
- Что люди из ФБР знают о чемодане?
- Ничего. На основании герба и монограммы они решили, что он мой.
- Но ты же им не сказал?
- Разумеется, нет, – скорчив гримасу, отвечаю я.
- Так. Постой, они подозревают тебя? – (Я пожимаю плечами.) – Когда они пронюхают о подлинном значении этого чемодана... – начинает Патриша.
- Да, мы оба окажемся под подозрением.

Для тех, кто еще не догадался, поясняю: моя двоюродная сестра и есть *та самая* Патриша Локвуд.

Возможно, вы знаете ее историю, поскольку смотрели программу «60 минут» или аналогичные. Для тех, кто не знает, сообщаю: Патриша Локвуд руководит сетью приютов «Абеона» для бездомных и подвергшихся насилию молодых женщин, девушек и девочек-подростков. В разных источниках ее подопечных именуют по-разному. Она – сердце, душа, движущая сила и лицо, кстати очень телегеничное, одного из самых известных и высокорейтинговых благотворительных проектов в нашей стране. Она заслуженно получила десятки наград от гуманитарных организаций.

Так с чего же начать?

Я не стану углубляться в семейный разлад и рассказывать, как наши отцы поссорились. Это грустная история о сражении двух братьев, где мой отец – Виндзор Второй – победил своего брата. Я не хочу говорить об этом еще и потому, что уверен: со временем отец и дядя обязательно помирились бы. Подобно множеству богатых и бедных семей, наша тоже имеет историю размовок и примирений.

Ничто так не связывает людей, как кровь, и нет субстанции взрывоопаснее, чем она.

Примирение отца и дяди стало невозможно из-за вмешательства «великого завершителя» – смерти.

Расскажу о случившемся: без эмоций, только факты.

Двадцать четыре года назад двое в лыжных масках убили моего дядю Олдрича Пауэрса Локвуда и похитили мою двоюродную сестру Патришу, которой тогда было восемнадцать лет. В дальнейшем ее вроде бы видели в тех или иных местах. Чем-то это напоминало историю украденных картин. Но все сведения вели в тупик. Была даже одна записка, якобы от похитителей, с требованием выкупа, однако быстро выяснилось, что кто-то попросту решил заработать на трагедии нашей семьи.

Патриша как сквозь землю провалилась.

Нашлась она через пять месяцев в Национальном парке штата Пенсильвания. Туристы, расположившиеся около водопада Глен-Оноко, услышали истеричные женские крики. Через несколько секунд из леса выскочила Патриша и помчалась к их палатке.

Голая, покрытая коростой грязи.

Пять месяцев...

Еще через неделю федералы установили местонахождение небольшого сарая для хранения живицы. Из нее делают скипидар, который можно купить в любом хозяйственном магазине. Именно там Патришу держали в плену. На земляном полу валялись кандалы, которые ей удалось разбить камнем. Там же стояло ведро для справления естественных надобностей. И больше ничего. Вот такая тесная сараюшка: семь на семь футов. Снаружи она была окрашена в зеленый цвет и практически не выделялась на фоне листвы. Сарай нашла собака из кинологического отряда ФБР.

Место пленения Патриши окрестили Хижиной ужасов, особенно после того, как криминологическая лаборатория обнаружила ДНК еще девяти молодых женщин, девушек, девочек

– называйте как хотите – в возрасте от шестнадцати до двадцати лет. Вплоть до сегодняшнего дня удалось найти только шесть тел. Все они были закопаны поблизости.

Похитителей так и не поймали. Даже их личности установить не удалось. Они просто исчезли.

Физическое состояние Патриши не вызывало опасений. При похищении с ней обращались жестоко, однако сломанный нос и ребра успели зажить. Но окончательное восстановление заняло какое-то время. К активной жизни Патриша вернулась, полная сил и имея перед собой ясную цель. Разрушительную энергию пережитой психологической травмы она перенаправила на помощь другим. Деятельное сострадание к женщинам, подвергшимся насилию и брошенным на произвол судьбы, стало для нее живым, дышащим, осязаемым делом.

Мы с сестрой никогда не говорили о тех пяти месяцах. Она не поднимала тему, а я не из тех, кто лезет к людям в душу.

Патриша начинает мерить шагами гостиную.

– Давай отойдем назад и посмотрим на это с рациональной точки зрения.

Я жду, давая ей возможность взять себя в руки.

– Назови дату кражи картины.

Я называю: восемнадцатое сентября и добавляю год.

– Значит, за семь месяцев до... – Она продолжает ходить. – До папиной гибели.

– Ближе к восьми.

Необходимые вычисления я проделал еще в вертолете.

Патриша останавливается и скидывает руки:

– Вин, что за чертовщина происходит? – (Я пожимаю плечами.) – По-твоему, подонки, укравшие картины, затем вернулись, убили отца и похитили меня?

Я вновь пожимаю плечами. Я делаю это очень часто, но с определенным шармом.

– Вин!

– Расскажи подробно, как все было.

– Ты серьезно?

– Серьезнее не бывает.

– Не хочу, – непривычно тихим, робким голосом отвечает Патриша. – Я двадцать четыре года старалась не касаться тех событий. – (Я молчу.) – Ты понимаешь? – (Я по-прежнему молчу.) – Завязывай со своим таинственным молчанием!

– Федералы наверняка спросят, можешь ли ты опознать убитого барахольщика.

– Не могу. Я тебе уже говорила. И какая им разница? Он ведь мертв, правда? Даже если этот лысый старик и был одним из похитителей, его больше нет. История закончена.

– Сколько человек тогда вломилось в ваш дом?

– Двое. – Патриша закрывает глаза.

Когда она снова их открывает, я пожимаю плечами.

– Вот черт! – произносит она.

Глава 4

Мы решаем до поры до времени ничего не предпринимать. Вернее, так решает моя двоюродная сестра, поскольку это ее жизнь может полететь вверх тормашками, а не моя. Но я соглашаюсь. Она хочет подумать и понять, что еще можно разнюхать, пока нам не начали задавать вопросы. Ведь эту дверь, однажды открыв, уже не закроешь.

Я захожу к отцу, но он по-прежнему спит. Я не бужу его. Большую часть времени он находится в осознанном состоянии, а иногда нет. Я вновь сажусь в вертолет и покидаю Локвуд. Через спецприложение назначаю свидание женщине на девять вечера. Она скрывается за псевдонимом Аманда. Я пользуюсь псевдонимом Майрон, поскольку настоящий Майрон ненавидит это приложение. Как-то я спросил его почему. Майрон пустился в длинные объяснения глубинного смысла любви, привязанности, единения, когда просыпаешься и осознаешь, что человек рядом с тобой – часть твоей жизни. У меня остекленели глаза.

Видя мою реакцию, Майрон покачал головой:

– Объяснять тебе смысл романтической любви – все равно что учить льва читать. Результата не будет, зато кто-нибудь может пострадать.

Мне нравится это приложение. Кстати, у вас его нет и вам его никак не занять.

Через час я вхожу в свой кабинет. Мой помощник Кабир уже там. Кабир – двадцативосьмилетний американец из сикхов. У него длинная борода. Он носит чалму. Возможно, мне не стоило бы упоминать об этом, поскольку он родился в Штатах и зачастую его поведение даже превосходит стереотипы большинства знакомых мне американцев, но, как говорит сам Кабир: «Наличие чалмы всегда вынуждает объяснять, почему она у тебя на голове».

– Сообщения есть? – спрашиваю я.

– Куча.

– И важные тоже?

– Да.

– Через часик займемся.

Кабир подает мне пластиковую бутылку, но внутри не вода, а холодный напиток, содержащий последнюю модификацию молекул НАД², замедляющих старение. Этим напитком меня снабдил один гарвардский геронтолог. Лифт спускает меня в подвал, в мой частный тренажерный зал. Там есть полный набор штанг и гантелей, увесистый боксерский мешок, боксерская груша, манекен для отработки борцовских приемов, деревянные мечи (боккены), резиновые пистолеты, манекен вин-чунь³ с деревянными руками и ногами. Словом, вы поняли.

Я тренируюсь каждый день.

Я практиковался с лучшими в мире инструкторами по единоборствам. Владею всеми известными вам боевыми методиками: карате, кунг-фу, тхэквондо, крав-мага, несколькими вариантами дзюдо и множеством других, о которых вы не слышали. Я целый год провел в камбоджийском городе Сиенреап, изучая кхмерское боевое искусство бокатор, что переводится как «удары по льву». Перевод грубый, зато хорошо передает смысл. Учась в университете, я два лета жил в окрестностях южнокорейского города Чинхэ, занимаясь с мастером субак-до – древнего корейского боевого искусства. Ох как непросто было найти этого мастера и уговорить заниматься со мной. Я изучаю удары, опрокидывания противника, болевые приемы, захваты, хотя и не люблю их, точки пережатия, бесполезные в настоящем сражении, силовые единоборства, групповые атаки и владение всевозможным оружием. Я метко стреляю из писто-

² Никотинамид-аденин-нуклеотид.

³ Используется в ушу.

лета, неплохо управляюсь и с винтовкой, но она требуется мне редко. Я упражнялся с ножами, мечами и всеми видами холодного оружия. Будучи большим поклонником филиппинского боевого искусства арнис, гораздо больше я почерпнул у нашего спецподразделения «Дельта» с их элитным набором разных стилей.

В зале я один, поэтому снимаю с себя все, кроме гибрида трусов-боксеров (знающим понятно), и начинаю с нескольких традиционных ката⁴. Я двигаюсь быстро, а между подходами устраиваю трехминутные раунды с грушей. Лучший кардиологический кондиционер. В юности я тренировался по пять часов в день. Сейчас стараюсь заниматься не менее часа. В основном работаю с инструктором, поскольку не перестаю учиться. Но сегодня, как вы уже знаете, я один.

Все это, конечно же, доступно мне благодаря деньгам. Я могу отправиться в любую точку земного шара или пригласить к себе любого эксперта на любой срок. Деньги дают вам время, доступ, новейшие технологии и новейшее оборудование.

Не правда ли, я рассуждаю почти как Бэтмен?

Если помните, единственной суперсилой Брюса Уэйна было его фантастическое богатство.

Так и у меня. И да, мне нравится быть таким, какой я есть.

Я обливаюсь потом. Меня это подстегивает, и я прибавляю темп. Я всегда подхлестывал себя сам, обходясь без внешних обстоятельств в качестве движущей силы. Единственным моим партнером по тренировкам был Майрон, но и то потому, что он хотел научиться, а не потому, что мне требовалась мотивация.

Я делаю это ради выживания и чтобы поддерживать форму. Я делаю это, потому что мне нравится. Нет, не все подряд. Мне нравится физическая сторона занятий. А разные там «да, сенсей» и прочие патриархальные штучки, на соблюдении которых настаивают некоторые школы боевых искусств, не для меня. Я ни перед кем не склоняюсь. Уважение – да. А вот кланяться – нет. И то, чем я владею, я применяю... на ум сразу приходят банальности вроде «только для самообороны». Это вранье того же уровня, что и обещания вроде «чек поступит по почте» или «не волнуйся, я подсоблю». Нет, свои умения я применяю для сокрушения врагов вне зависимости от того, кто выступил агрессором (обычно это я).

Я люблю насилие.

Очень люблю. Говорю это не ради оправдания в глазах других. Я оправдываю эту склонность в себе. Сражение, драка, потасовка не являются для меня крайним средством. Я ввязываюсь в драки везде, где только можно. Я не пытаюсь избегать бед. Я их активно ищу.

Закончив дубасить мешок, я выполняю жим лежа, затем приседаю с отягощениями. Когда я был помоложе, у меня существовали дни силовых нагрузок отдельно на руки, грудь и ноги. Но когда мне перевалило за сорок, я понял: лучше не злоупотреблять подъемом тяжестей и больше их варьировать.

Тренировка завершена. Я иду в парилку сауны, хорошенько разогреваю тело, затем встаю под ледяной душ. Тело подвергается управляемым стрессам, что активизирует спящие гормоны. На меня это действует великолепно. Когда я выхожу из душа, меня ждут три костюма. Я выбираю однотонный синий и возвращаюсь в офис.

– Эта история взорвала Twitter, – говорит Кабир, показывая мне свой мобильник.

– Что там пишут?

– Только то, что на месте преступления нашли картину Вермеера. Мне поступил шквал звонков от СМИ. Все хотят получить комментарий.

– И даже порножурналы?

Кабир хмурится:

⁴ Последовательность движений и приемов в некоторых боевых искусствах, направленных на сражение с воображаемым противником или группой противников.

– Что такое порножурнал?

Вот она, современная молодежь.

Я закрываю дверь кабинета. Вид у моего кабинета солидный. Стены отделаны деревянными панелями. На особом столике стоит старинный деревянный глобус. Одну стену украшает картина со сценой охоты на лису. Я гляжу на картину и представляю, как смотрелся бы здесь Вермеер. У меня звонит мобильник. Смотрю на номер.

Мне стоило бы удивиться. Этого человека я не слышал лет десять, с тех самых пор, как он сообщил, что уходит от дел. Но почему-то я не удивлен.

– Излагайте, – говорю я, поднеся телефон к уху.

– Не верится, что ты до сих пор так отвечаешь на звонки.

– Времена меняются, а я нет.

– Ты тоже меняешься. Держу пари, твои ночные туры остались в прошлом.

Ночной тур. Когда-то я надевал самый дорогой и модный из своих костюмов и глубокой ночью отправлялся бродить по самым криминальным улицам. Я шел и насвистывал, стараясь, чтобы все видели мои светлые волосы, белую, как алебастр, кожу и румяные щеки. У меня тонкокостное телосложение. Издали я кажусь щуплым и хрупким. Словом, лакомый кусочек для любого уличного молодца. Только оказавшись рядом со мной, эта публика убеждалась, что у меня под одеждой плотно сжатая пружина. Но к тому моменту уже бывало слишком поздно. Меня считали легкой добычей, еще и потешались вместе с друзьями, а потом... заднего хода нет.

И хотели бы убраться, но я им не давал.

– Да, остались, – отвечаю я своему собеседнику.

– Видишь? И ты меняешься.

Мои ночные туры прекратились несколько лет назад. Однажды мне наскучила возня с противниками, перед которыми у меня всегда было преимущество. Теперь я выбираю свои цели более тщательно.

– Как поживаешь, Вин?

– Отлично, ПТ.

Должно быть, сейчас ПТ лет семьдесят пять, если не больше. Это он в свое время предложил мне немного поработать на Федеральное бюро расследований. Он же был моим куратором. О нем известно лишь немногим агентам, но каждый новый глава ФБР и каждый новый президент обязательно встречались с ним в свой первый рабочий день. Некоторых людей в нашем правительстве считают теневыми фигурами. ПТ настолько теневой, что кажется, будто его вообще не существует. Он практически ничем себя не обнаруживает. Живет он где-то близ Куантико, однако даже я не знаю, где именно. И его настоящего имени я тоже не знаю. При желании мог бы узнать, но, хотя мне и нравится насилие, играть с огнем я не люблю.

– Как прошел вчерашний баскетбольный матч? – спрашивает ПТ, но я молчу. – Решающая игра для НССА. – (Я продолжаю молчать.) – Да расслабься, – усмехается он. – Я смотрел игру по телевизору, только и всего. Видел тебя в первом ряду, рядом с Понтовым Папашей.

Услышанное заставляет меня усомниться.

– Кстати, мне нравятся его штучки.

– Чьи?

– Понтового Папаши. Мы же о нем говорим? Песенка, где он противопоставляет сук, вырывающих мужчине сердце, сукам, вырывающим яйца. Слышал? Хорошо уловил. Поэтично.

– Я ему передам, – говорю я.

– Ты меня очень обяжешь.

– Когда мы общались в прошлый раз, вы сказали, что отправляетесь на пенсию.

– Так оно и было, – отвечает ПТ. – И продолжается.

– И тем не менее...

– И тем не менее, – повторяет он. – Вин, у тебя надежная линия?
– Можно ли утверждать наверняка?
– Да, при современной технологии нельзя. Насколько я знаю, ФБР сегодня обнаружило кое-что, принадлежащее тебе.
– За что я им благодарен.
– Однако там не все так просто.
– А разве когда-нибудь бывает просто?
– Никогда, – со вздохом соглашается он.
– И этого достаточно, чтобы нарушить ваш пенсионный покой?
– Тебе ведь это что-то говорит, правда? Догадываюсь, у тебя есть причина, чтобы не торопиться помогать им.

– Я просто осторожен.
– А ты можешь перестать осторожничать к утру? Я сейчас перефразирую. – Его тон ничуть не изменился; ничего, что улавливало бы ухо. – К утру переставай осторожничать. – (Я не отвечаю.) – Я встречу с тобой в Тетерборо, на борту самолета, в восемь утра. Будь на месте.

– ПТ!

– Да.

– Вы установили личность жертвы?

Из динамика доносится приглушенный женский голос. ПТ просит меня обождать и кричит женщине, что вскоре освободится. Может, жена? Поразительно мало я знаю об этом человеке.

– Тебе знакомо выражение «это личное»? – спрашивает он, вернувшись к разговору.

– Когда вы нас обучали, то подчеркивали, что в этой работе нет ничего личного.

– Я ошибался, Вин. Очень ошибался. Итак, завтра в восемь утра.

Он отключается.

Я приваливаю к спинке кресла, закидываю ноги на стол и прокручиваю в голове наш разговор. Стремлюсь найти какие-то нюансы или скрытый смысл. И не нахожу. Вполне обычный разговор. Раздается стук в дверь: один раз, пауза, затем два раза. Дверь открывается, появляется голова Кабира.

– Вас хочет видеть Сейди. Голос у нее... какой-то печальный.

– Возглас удивления, – отвечаю я.

Сажусь в лифт и спускаюсь вниз. В приемной юридической фирмы Сейди меня приветствует секретарь тире помощник юриста, недавний выпускник колледжа Тафт Бакингтон III. Отец Тафта, которого все мы зовем просто Таффи, состоит вместе со мной в гольф-клубе «Мерион». Мы с Таффи часто играем в гольф. Юный Тафт встречается со мной глазами и предостерегающе качает головой. В фирме Фишер и Фридман всего четверо юристов – все женщины. Как-то я сказал Сейди, что для лучшего имиджа стоило бы взять на работу хотя бы одного мужчину.

Мне понравился ее простой, но смачный ответ:

– Ни за какие дерьмовые коврижки!

Мужчина все-таки появился, но в должности секретаря тире помощника. Думайте об этом что хотите.

Увидев меня возле стола Тафта, Сейди кивает в сторону своего кабинета. Мы входим, и она тут же закрывает дверь. Я сажусь. Она продолжает стоять. Когда-то этот кабинет занимал Майрон. От него Сейди достался письменный стол. Когда она заключала договор аренды, стол оставался в кабинете, и она спросила, можно ли его купить. Я позвонил Майрону и спросил, сколько он хочет за свой бывший стол. Как я и ожидал, он ответил, что денег не возьмет. Мне как-то неуютно находиться здесь, поскольку, кроме стола, весь остальной интерьер изменился. Место небольшого холодильника, где Майрон хранил запас шоколадных напитков,

заняла тумбочка с принтером. Со стен исчезли постеры бродвейских мюзиклов. А в Северной Америке едва ли найдется мужчина, который любит мюзиклы больше, чем Майрон. Разве что Лин-Мануэль Миранда⁵. Кабинет Майрона был эклектичным, ностальгическим и разноцветным. При Сейди помещение стало минималистским, с преобладанием белых тонов, и слишком типичным. Ей не нужны никакие отвлекающие акценты. Как-то она сказала, что атмосфера кабинета предназначена для клиентов, а не для юриста.

– Мне разрешили рассказать вам об этом, – начинает Сейди. – Это чтобы вы понимали. Дело перестало быть сугубо конфиденциальным, касающимся только юриста и клиента. Скоро вам станет ясно. – (Я ничего не говорю.) – Вам известно о моей клиентке, находящейся в больнице?

– Вроде бы.

– Что «вроде бы»?

– То, что у вас есть клиентка, находящаяся в больнице.

Кстати, это неправда. Я знаю больше.

– Откуда вы узнали?

– Подслушал разговор в вашей приемной.

Это тоже вранье.

– Ее зовут Шэрин, – продолжает Сейди. – Фамилию пока называть не буду. Она вам ничего не скажет, как, впрочем, и имя. А ее история – просто материал из учебника. Во всяком случае, начало. Шэрин учится в большом университете и готовится к защите диплома. Там она знакомится и начинает встречаться с мужчиной, работающим на престижной должности. Начинается все просто замечательно. Многие подобные истории начинаются так. Мужчина обаятелен. Лыстит ей. Супервнимателен. Говорит об их грандиозном будущем.

– Мужчины всегда так себя ведут.

– Пожалуй, да. Было бы нечестно клеить ярлык психопата на каждого мужчину, который посылает вам цветы и окружает вниманием. Но это уже начальный сигнал.

– Конечно, – киваю я, – не все чрезмерно внимательные бойфренды – психопаты, но все психопаты оказываются чрезвычайно внимательными бойфрендами.

– Отлично сказано, Вин.

Я пытаюсь выглядеть скромным.

– Как бы то ни было, их роман начинается просто идеально. Опять-таки слишком много подобных историй начинаются именно так. Но затем появляются странности, число которых постоянно растет. В группе Шэрин есть студентки и студенты. И ее бойфренду... я буду называть его Тедди, поскольку этого мерзавца так зовут... Словом, наличие студентов ему не нравится.

– Он ревнует?

– В энной степени! Тедди начинает задавать Шэрин кучу вопросов о ее друзьях мужского пола. В действительности это больше напоминает допросы. Однажды она просматривает на своем ноутбуке историю поисков и обнаруживает: кто-то – в данном случае Тедди – выискивал сведения о ее однокурсниках. Тедди начинает неожиданно появляться в университетской библиотеке, где она занимается. Говорит, что хотел сделать ей сюрприз. В одно из таких появлений он приносит бутылку вина и два бокала.

– В качестве банального прикрытия, – говорю я. – Ложный романтический шаг.

– Вот именно. Как всегда в подобных случаях, поведение ухажера становится все более собственническим. Если Шэрин задерживается на занятиях дольше обычного, Тедди впадает в уныние. Ей хочется пойти с друзьями на вечеринку в кампус. Тедди, работающий помощником тренера, настаивает, что пойдет вместе с ней. У Шэрин появляется ощущение, что вокруг нее

⁵ Современный американский актер, певец и автор нескольких бродвейских мюзиклов.

смыкаются стены. Тедди занимает собой все ее пространство. Если она недостаточно быстро отвечает на его эсэмэски, Тедди устраивает истерику. Винит ее в обмане. Однажды вечером Тедди настолько сильно хватает Шэрин за руку, что на коже остаются ссадины. Чаша терпения Шэрин переполнена. Она решает расстаться с Тедди. И вот тогда-то он становится психопатом-преследователем.

Сочувствующий слушатель из меня никудышный, но я изо всех сил стараюсь выглядеть таковым. Я киваю во всех нужных местах рассказа, напускаю на себя встревоженный и даже испуганный вид. Мое обычное выражение лица (вы уж простите за повторное использование этого штампованного выражения) или равнодушное, или высокомерное. Сейчас я усиленно пытаюсь выглядеть внимательным. Это дается мне нелегко, но я считаю, что добиваюсь нужного эффекта.

– Тедди появляется без предупреждения, умоляет Шэрин вновь пустить его в свою жизнь. Трижды ей приходилось звонить в службу девятьсот одиннадцать, поскольку Тедди барабанил в ее дверь. И каждый раз – после полуночи. Он умоляет ее поговорить с ним, говорит, что она ведет себя нечестно и жестоко, не желая выслушать его. Тедди плачет, говорит, как он тоскует по ней, и в конце концов убеждает Шэрин, что она, – здесь пальцы Сейди изображают кавычки, – «обязана» дать ему шанс объяснить свое поведение.

– И она соглашается на встречу? – спрашиваю я, по большей части оттого, что слишком долго молчал.

– Да.

– А вот этого я никогда не понимал.

Сейди подается вперед и склоняет голову вбок:

– Как бы вы ни пытались, Вин, вам этого не понять по причине вашей мужской природы. Природная обусловленность женщин – заботиться и доставлять удовольствие. Мы ответственные не только за себя, но и за всех, кто находится в нашей орбите. Мы верим, что ублажать мужчину – наш долг. Мы думаем, что изменим жизнь в лучшую сторону, если немного пожертвуем собой. Но ваши слова вполне справедливы. Первое, о чем я всегда говорю своим клиентам: если вы готовы прекратить отношения, прекращайте. Рвите их и не оглядывайтесь назад. И никаких «обязательств» перед Тедди у Шэрин не было.

– И Шэрин вернулась к нему?

– Ненадолго. Вин, не надо качать головой. Дослушайте до конца. Психопаты так себя и ведут. Манипулируют своими жертвами и пудрят им мозги. Они вызывают у вас чувство вины, подают все так, будто это вы виноваты. Они буквально засасывают вас обратно в отношения.

Я по-прежнему не понимаю этого, но мое «не понимаю» к делу не относится.

– Период их совместной жизни оказался недолгим. Шэрин быстро поняла, что к чему, и снова ушла. Перестала отвечать на его звонки и сообщения. И вот тогда-то Тедди показал себя во всей своей психопатической красе. Втайне от нее он оснастил ее квартиру подслушивающими устройствами. Установил клавиатурные перехватчики на ее компьютеры. Снабдил ее телефон программой слежения. Далее он начинает бомбардировать Шэрин анонимными угрозами. Он похитил всю адресную базу ее электронной почты и стал рассылать потоки злобной клеветы о ней ее друзьям и родным. Мало того, он начинает писать электронные письма якобы от имени Шэрин и троллить ее профессоров и однокурсников. Одно из таких писем – опять-таки от имени Шэрин – он отправляет жениху ее лучшей подруги и сообщает тому об измене невесты. Выдумывает целую скандальную историю, случившуюся в баре, которой на самом деле не было.

– В воображении ему не откажешь, – говорю я.

– Вы не знаете и половины его художеств. Он заваливает Шэрин посланиями якобы от ее друзей, где «они» пишут, какая же она дура, что рассталась с таким замечательным и заботливым Тедди.

Я хмурюсь:

– Воображение есть, хотя и жалкого свойства.

– Не то слово. Эти мужчины... простите, я не хочу выглядеть сексисткой, но это почти всегда мужчины. Закомплексованные лузеры, что делает их невероятно опасными.

– Шэрин обращалась в полицию?

– Да.

– И там, насколько понимаю, ей не помогли.

Глаза Сейди вспыхивают. Она в своей стихии.

– Вин, для того и существуют фирмы вроде нашей. Закон в его нынешнем виде не может помочь ни одной Шэрин в мире. Начнем с того, что закон не поспевает за технологиями. Тедди прячется, пользуясь сетями VPN, одноразовыми мобильниками и фейковыми электронными адресами. Невозможно доказать, что именно он преследует Шэрин. Потому наша работа и имеет такую важность.

Я киваю, прося ее продолжать.

– Вторичный уход Шэрин ничуть не умерил прыти Тедди. Он посылает снимок обнаженной Шэрин ее бабушке, которой девяносто один год. Он записывает видео, полное ложных утверждений о Шэрин: дескать, она ненавидит евреев, склонна ко всем видам извращенного секса, является белой националисткой и так далее. И достигает результата. Когда его припирают к стенке, он утверждает, что Шэрин его подставила и оклеветала. То есть он решил с ней расстаться, чего она никак не смогла вынести и таким вот способом пытается его вернуть.

Я качаю головой.

– Вот тогда Шэрин и узнала о существовании нашей фирмы.

– И давно это было?

– В феврале.

Я жду.

– Да, знаю. – Сейди сглатывает. – Прошло много времени.

– И?..

– Мы пытались ей помочь. Мы провели изыскания и узнали, что Тедди вел себя подобным образом еще с тремя женщинами. Возможно, их было больше. Это одна из причин, почему он менял места работы, перебираясь из колледжа в колледж.

– А в колледжах знали о его «особенностях»?

– Там принято защищать своих. И потому каждый раз он соглашался тихо уйти, а администрация соглашалась держать язык за зубами. В одном случае... может, их было больше, дело удалось замять с помощью денег, и жертва подписала обязательство о неразглашении.

Я хмурюсь еще сильнее.

– Со своей стороны мы делаем для Шэрин все, что можем. Мы выхлопотали для нее временное защитное предписание против домогательств Тедди. Я посоветовала ей записывать все, что она помнит, все поступки Тедди и, начиная с этого момента, вести дневник всех его действий. Такие записи играют ключевую роль. Мы обратились в полицию, где наше обращение официально зарегистрировали. Но, как я уже говорила, потому работа нашей фирмы так важна. У полиции нет опыта в компьютерной криминалистике.

Я откидываюсь на спинку и скрещиваю ноги.

– До сих пор все это звучит как классическое дело, какими занимается ваша фирма.

– Вы правы, – печально улыбается Сейди. – Тедди – ходячее учебное пособие по психопатам. Этим он сильно напоминает моего бывшего.

Абьюзер, мучивший Сейди, тоже повысил свою «квалификацию», но сейчас не время говорить об этом. Я прислоняюсь к спинке и жду. Общее направление этой истории мне уже понятно, но Сейди продолжает дополнять его подробностями. Пока не знаю, куда это ее приведет.

– Кончается тем, что Шэрин бросает университет, так и не защитив диплом, поскольку Тедди продолжает ее преследовать. Она переезжает на север, поступает в другой университет. Однако Тедди снова ее находит. Как я уже говорила, мы разыскали других его жертв, но ни одна не хочет выступать с заявлением. Так он их запугал. А затем Тедди избирает новую практику: прокси-харассмент.

Сейди умолкает и смотрит на меня. Наверное, ждет моего вопроса, и потому я повторяю:

– Прокси-харассмент?

– Вы знаете, что это такое?

Знаю, но качаю головой.

– С этой целью Тедди от имени Шэрин размещает ее профили на Tinder, Whiplr и других более одиозных сексуальных приложениях, связанных с БДСМ и прочими видами извращений. Он постит ее фотографии. Ведет беседы, притворяясь Шэрин, назначает свидания с целью секса. У дверей квартиры Шэрин чуть ли не круглые сутки появляются странные мужчины, ожидающие секса с ней, ролевых игр и прочих развлечений подобного толка. Некоторые, получив отказ, приходят в ярость. Обвиняют, что она «дразнит им яйца», и награждают отборной руганью. Тедди трудится не покладая рук. А затем... – Сейди умолкает.

Я жду.

– Затем Тедди, опять-таки от имени Шэрин, проникает на подпольный сайт и начинает флиртовать с одним парнем. Это длится шесть недель. Шесть недель, Вин! Представляете, какое фанатичное упорство? «Шэрин», – пальцы Сейди снова изображают кавычки, – подробно рассказывает парню о своих фантазиях, связанных с жестоким изнасилованием. «Шэрин» сообщает ему, как все должно быть обставлено. На нее должны напасть, защелкнуть наручники и затолкать в рот кляп. Тедди даже сообщает парню, где можно купить эти, с позволения сказать, аксессуары. Потом он назначает время, когда парень должен сыграть с нею в ролевою игру с изнасилованием.

Я сижу не шелохнувшись.

– Все это время парень думает, что общается с Шэрин. Неделями он слышит, что от него ждут жестоких действий. Он должен избить ее, связать и пригрозить ножом. Тедди даже сообщает ему пароль: «пурпур». «Не останавливайся, – от имени Шэрин наставляет его Тедди, – пока не услышишь от меня это слово».

Сейди отворачивается и моргает. Меня охватывает злость. Руки сжимаются в кулаки.

– Вот так Шэрин и попала в больницу. Ее состояние... оставляет желать лучшего.

И опять для меня здесь нет ничего неожиданного. Я предполагал такой исход. Только не знаю, как себя вести, поскольку до сих пор не понимаю паники Сейди, и осторожно спрашиваю:

– Полагаю, Тедди и сейчас прячет свою личину? – (Сейди кивает.) – Значит, полиция не могла его сцапать.

– Верно.

– И он сухим вышел из воды?

– Нам так казалось.

– Казалось?

– Фамилия Тедди – Лайонс. Тедди Лайонс. Вам знакомо это имя?

– Вроде где-то слышал. – Я стучу указательным пальцем по подбородку.

– Он помощник тренера баскетбольной команды Университета Южной Дакоты.

– Серьезно? – Я стараюсь не переиграть.

– Мы недавно получили сообщение. Вчера поздно вечером, после важного матча, Тедди подвергся нападению. Они сделали из него отбивную, серьезно повредив внутренние органы.

Они. Сейди сказала «они». Вывод: я по-прежнему вне подозрения.

– У него сломаны кости, – продолжает Сейди. – Внутреннее кровотечение. Серьезное повреждение печени. Врачи утверждают, что на полное восстановление здоровья рассчитывать не приходится.

Я изо всех сил стараюсь не улыбнуться, но мне не удается.

– Какая досада, – говорю я.

– Да. Как вижу, это всех расстроило.

– А вам с чего расстраиваться?

– Вин, он был у нас на крючке.

В ее глазах за стеклами очков полыхает адский огонь. Я вижу страсть, преданность делу. Этим в свое время Сейди расположила меня к себе и своей фирме. Она человек действия, а не разговоров. Здесь мы с ней похожи.

– Что значит «был у вас на крючке»? Вы же говорили, он выскользнул сухим из этой истории.

– После случившегося с Шэрин я вновь обратилась к другим жертвам Тедди. И они наконец согласились дать показания. И Шэрин была готова выйти на публику. Конечно, это явилось бы травмой для всех. Тедди уже и так многое у них отнял.

– Хм... – Я снова откидываюсь на спинку стула и скрещиваю ноги.

Я вообще не задумывался о последствиях. Редко о них задумываюсь. Но... нет, нет, а вот тут Сейди ошибается.

– Похоже, избивание Тедди им только помогло.

– Нет, Вин. Совсем не помогло. Когда преодолеваешь страх... В конце, когда встаешь лицом к лицу с твоим истязателем и даешь ему сдачи, это вызывает катарсис. После выписки Шэрин из больницы мы собирались устроить большую пресс-конференцию. Вы только представьте: четыре жертвы, которые стоят на ступенях законодательного собрания штата и рассказывают свои трагические истории. Двое членов ассамблеи были готовы выступить вместе с нами. Это бы разрушило репутацию Тедди. Но что еще важнее: убедительные рассказы жертв способствовали бы принятию законопроекта, черновик которого был создан здесь. – Сейди постучала по столу. – Члены ассамблеи намеревались представить законопроект губернатору.

Я жду.

– А теперь, – вздыхает Сейди, – бах – и все пропало!

– Почему? – спрашиваю я.

– Что почему?

– Почему жертвы Тедди не могут рассказать свои истории?

– Потому что их рассказы уже не вызовут ожидаемого отклика.

– Чепуха! Непременно вызовут.

– Вы забыли, что минувшим вечером Тедди подвергся нападению?

– Ну и что?

– А то, что теперь он превратился в жертву самосуда.

– Вы не знаете этого наверняка, – говорю я. – Возможно, он снова попробовал свои фокусы, но нарвался совсем на другую женщину.

– И она измолотила его до состояния кровавого месива?

– Если не она, то ее родственники. – Я щелкаю пальцами. – А может, нападение вовсе не было связано с его делишками.

– Бросьте.

– Что?

– Мы проиграли. Война будет продолжаться, но это сражение мы проиграли. Нам требовались симпатии публики. А теперь наш монстр находится в коме. Кто-нибудь напишет в Twitter, что его избili жертвы. Мать Тедди скажет, что эти презренные женщины оклеветали

ее милого малыша, превратив его в мишень. Дело, Вин, не только в фактах. Мы должны склонить общественное мнение на свою сторону.

Я думаю над ее словами, затем без особого, как мне кажется, энтузиазма говорю:

– Мне жаль.

Поясняю: я ничуть не сожалею о том, как обошелся с Тедди. Мне жаль, что я не потерпел до упомянутой пресс-конференции. Сейди оптимистично смотрит на вещи. Я, как ни печально, нет. Закон никогда бы не прищучил Тедди. У него возникли бы неприятности, возможно, он потерял бы работу и за все это стал бы мстить самым чудовищным образом. Он бы поливал грязью Шэрин и остальных женщин; он бы все поставил с ног на голову, объявив жертвой домогательств себя, и очень многие поверили бы ему. Потому-то Сейди и борется за принятие закона.

Я верю в Сейди Фишер. Когда-нибудь ее усилия дадут результаты. Но не сегодня.

Часы показывают половину девятого. Через полчаса у меня свидание, которое без особых проблем можно отменить.

– Не желаете ли чего-нибудь выпить? – спрашиваю я Сейди.

– Вы серьезно?

– Неплохой способ утешиться.

Сейди качает головой:

– Вин, я знаю, что вы стараетесь проявить доброту.

– Но?

– Но вы кое-что упускаете из виду.

– Разве коллегам возбраняется посидеть за выпивкой?

– Не сегодня, Вин. Сегодня мне нужно поехать в больницу и рассказать Шэрин о случившемся.

– Возможно, новость ее обрадует, – говорю я. – Тедди уже не причинит ей вреда. Сознание этого должно ее успокоить.

Сейди открывает рот, готовясь мне ответить, но тут же закрывает. Вижу, она разочарована во мне. Похлопав меня по плечу, она идет к двери.

Я проверяю приложение. Моя программа знакомств для богатых так глубоко законспирирована в Темной Паутине, что создание фальшивого профиля, наподобие тех, что создавал Тедди, исключено. Даже если бы кто-то и попытался, они бы сломались на последующих мерах безопасности. Мне поступило сообщение:

Пользовательница Аманда вас ждет.

Итак, моя партнерша на этот вечер уже находится в квартире для свиданий. Незачем томить ее ожиданием.

Глава 5

Приложение предлагает несколько тайных путей к квартире.

Сегодня мы воспользуемся тем, что находится на Пятой авеню, в универмаге «Сакс». Прославленный «Сакс» занимает отрезок Пятой авеню между Сорок девятой и Пятидесятой улицей. В его подвальном этаже расположен элитный ювелирный отдел под названием «Склеп». В дальнем конце есть неприметная дверь. Прежде там была раздевалка для персонала. Дверь заперта, но приложение позволяет открывать ее специальным брелком. Войдя туда, нужно спуститься в подземный переход. Он ведет в подвальный этаж небоскреба на Сорок девятой улице, близ Мэдисон-авеню. Лифт поднимается только до восьмого этажа. Там кабина останавливается, и вы проходите сканирование по радужной оболочке глаза. Если вы тот, кто вы есть, и прошли проверку, двери открываются, и вы попадаете в роскошную квартиру.

Хорошо быть богатым.

Чтобы стать пользователем этого приложения, нужно иметь чистый доход выше ста миллионов долларов. Ежемесячные взносы непомерно высоки, особенно для таких, как я, кто часто пользуется этими услугами. Суть их проста: сводить богатых людей с другими богатыми людьми для секса. Никаких нитей, тянущихся из реальной жизни. Все устроено по высшему разряду, как в элитном бутике. Но главной целью встречающихся является секс.

У приложения нет названия. Большинство клиентов состоят в браке, а потому жаждут предельной конфиденциальности. Некоторые из них – публичные персоны. Есть геи и иные представители ЛГБТК-сообществ, боящиеся огласки. Некоторые, вроде меня, – просто богатые люди и ищут секса без привязанностей и последствий. Годами я выбирал себе женщин на одну ночь в барах, ночных клубах и на всякого рода торжествах. Иногда я и сейчас так делаю, но когда тебе перевалит за тридцать пять, такое начинает казаться излишне рискованным. В моем сомнительном прошлом я нанимал проституток. Было время, когда каждый вторник я заказывал порцию дим-сум и женщину из «Благородного дома», как называлось заведение в Нижнем Ист-Сайде. Это была моя версия «китайской ночи». Тогда я верил, что проституция является древнейшей и, сообразно названию заведения, благородной профессией. Оказалось, что нет. Занимаясь кое-какими расследованиями за пределами Штатов, я узнал о современной работорговле, включая и поставки секс-рабынь. С тех пор я перестал заказывать проституток.

Как и в боевых искусствах, мы учимся, развиваемся, совершенствуемся.

Прекратив контакты с упомянутым заведением, я попробовал некогда модный «секс по дружбе», но проблема в том, что от друзей уже по определению тянутся ниточки. Друзья приходят вместе с привязанностями. Мне этого не хочется.

Сейчас я по большей части пользуюсь услугами приложения.

Аманда сидит на кровати. Из одежды на ней только турецкий махровый халат с атласной отделкой – собственность квартиры для свиданий. Бокалы наполнены розовым шампанским «Ла гранд дам» фирмы «Вдова Клико». В серебряной чаше – клубника, покрытая шоколадной глазурью. Первокласный музыкальный центр способен воспроизвести музыку всех стилей и направлений, удовлетворяющих вашему вкусу. Выбор музыки я обычно оставляю за женщиной, хотя сам предпочел бы тишину.

Мне нравится слушать то, что говорит моя партнерша.

Аманда встает и с улыбкой направляется ко мне, неся бокал шампанского. Майрон всегда говорит, что сексуальнее всего женщина выглядит в махровом халате и с мокрыми волосами. Прежде я несерьезно относился к подобным высказываниям, предпочитая особый черный корсет и соответствующий пояс для чулок, но сейчас мне кажется, что слова Майрона не лишены смысла.

Мы учимся, развиваемся, совершенствуемся.

Сегодняшний секс великолепен. Обычно так и бывает. А когда нет, секс все равно остается сексом. Есть старая шутка о мужчине, носящем парик, который может быть хорошим или плохим, но все равно остается париком. Это применимо и к сексу. Я часто слышал, что секс с незнакомками вызывает скованность. Со мной такое бывает редко. Отчасти потому, что я очень опытен в любовных утехах. Путешествуя по миру, я учился не только боевым искусствам. Однако секрет прост: нужно находиться в состоянии здесь и сейчас. Я заставляю каждую женщину чувствовать так, будто она единственная в мире. Это не игра. Если ты фальшивишь, любая женщина сразу ощутит фальшь. Пока мы вместе – эта женщина и я, – есть только мы двое. Остальной мир исчезает. Я полностью сосредоточен на нас.

Мне нравится секс. Я занимаюсь им много и часто.

Майрон разводит философию насчет того, как секс может быть бóльшим, чем телесное соитие; как любовь или романтическая привязанность усиливает телесные ощущения. Я слушаю и думаю, кого он пытается убедить: меня или себя. Мне не нравится ни любовь, ни романтическая привязанность. Мне нравится заниматься определенными телесными делами со взрослыми представительницами противоположного пола, делая это по обоюдному согласию. Все остальное ничуть не усиливает мои сексуальные ощущения. Наоборот, только портит их. Сам по себе половой акт чист. Так зачем пачкать его чем-то внешним? Быть может, секс – величайшее в мире совместное переживание. Да, я могу насладиться изысканным обедом, хорошим шоу или общением с близкими друзьями. Мне нравятся гольф, музыка и искусство.

Но идет ли хоть что-то из этого в сравнение с вечером секса?

По-моему, нет.

Потому-то мне нравились проститутки. Это была прямая сделка, в которой я и девушка по вызову оба что-то получали. В конце встречи никто не был никому что-либо должен. Я и сейчас стремлюсь к таким отношениям. Мне нравится покидать квартиру свиданий, сознавая, что моя партнерша получила столько же, сколько и я. Мне это хорошо удается. Чем больше женщина удовлетворена, тем меньше я чувствую себя перед ней в долгу. К тому же у меня громадное эго. Я не занимаюсь тем, к чему не способен. Я очень хороший игрок в гольф, очень хороший финансовый консультант, очень хороший драчун и очень хороший любовник. Если я чем-то занимаюсь, то хочу быть лучшим.

Когда мы заканчиваем – я стремлюсь, чтобы ее оргазм наступал раньше, – мы просто лежим на кремовых шелковых простынях фирмы «Малберри» и пуховых подушках. Мы оба глубоко дышим. Я прикрываю глаза. Она наполняет бокалы розовым шампанским и один протягивает мне. Я позволяю ей скормить мне клубничину в шоколадной глазури.

– А мы уже встречались, – говорит она.

– Знаю.

Такое бывает довольно часто. Настоящее имя этой женщины Битси Кэбот. У сверхбогатых хоть и свой круг общения, но он не безграничен. Странно, если бы я не знал большинство женщин в нем. Наверное, Битси несколькими годами старше меня. Я знаю, что она курсирует между Нью-Йорком, Хэмптонсом на Лонг-Айленде и Палм-Бич. Еще я знаю, что она замужем за богатым управляющим хедж-фондом, но мне не вспомнить его имени. А вот зачем ей это, я не знаю. Да мне и все равно.

– Это было у Радклиффов, – говорю я.

– Да. Минувшим летом они устроили просто фантастическое торжество.

– На то была веская причина.

– Конечно.

– Корделия умеет закатывать праздники, – говорю я.

Быть может, вы думаете, что мне не терпится одеться и уйти, что я никогда не ночую в подобных местах, дабы избежать любых привязанностей. Но вы ошибаетесь. Если она попросит

меня остаться, я останусь. Если нет, уйду. Мне все равно. Я одинаково хорошо сплю вдвоем с ней или один. Кровать вполне комфортабельная, и это самое главное.

Она не намерена просить меня остаться, но и желания поскорее выпроводить меня у нее тоже нет.

Главное преимущество ночевки: если мы остаемся, утром меня ждет впечатляющее повторение секса без необходимости подыскивать себе другую партнершу. Вот такой приятный бонус.

– А ты каждый год бываешь на этом торжестве? – спрашивает она.

– Если оказываюсь в Хэмптонсе. Тыходишь в какой-то подготовительный комитет?

– Да. В тот, что занимается угощением.

– И кто всем этим заправляет?

– Рашида. Знаешь ее? – (Я качаю головой.) – Божественная женщина. Могу прислать ее контакты.

– Спасибо.

Битси наклоняется и целует меня. Я улыбаюсь, пристально глядя ей в глаза.

Она встает с кровати. Я слежу за каждым ее движением. Ей это нравится.

– Сегодня я получила настоящее удовольствие, – говорит она.

– Я тоже.

Еще одна особенность, которая может вас удивить: я не испытываю проблем с повторными встречами, поскольку в этом море не бесконечное количество рыбок. Я честен в своих намерениях. Если я чувствую, что женщины хотят от меня большего, я прекращаю отношения. Всегда ли это проходит так гладко, как я говорю? Конечно не всегда. Но я стремлюсь следовать этому правилу и получать то, что нужно мне.

Какое-то время я лежу неподвижно. Нежусь в отзвуках нашего секса. Два часа ночи. Время, проведенное с ней, и мне доставило настоящее удовольствие. Я бы не отказался встретиться еще раз, а то и два. И тут я представляю, как бы я всю оставшуюся жизнь занимался любовью только с Битси Кэбот. Не обязательно с ней. Просто с одной и той же женщиной. От этой мысли меня пробивает дрожь. Простите, но я этого не понимаю. Майрон сейчас женат на яркой, восхитительной женщине по имени Тереза. Они любят друг друга. Если надежды Майрона осуществляются, он никогда не познает тело другой женщины.

Мне этого не понять.

Битси уходит в ванную, возвращается уже одетой. Я по-прежнему лежу в постели, подперев голову руками.

– Поеду-ка я домой, – говорит она, словно я знаю, где находится ее дом; я сажусь на кровати. – До свидания, Вин.

– До свидания, Битси.

На этом наша встреча кончается, как кончается все хорошее.

Наутро я вызываю такси, чтобы ехать в аэропорт, на встречу с ПТ – моим давним начальником из ФБР.

Раньше я обожал водить машину. Я большой фанат «ягуаров». В Локвуде у меня есть две машины этой марки: «XKR-S GT» выпуска 2014 года, на которой я гоняю, когда бываю там, и «XK120 Alloy Roadster». Этот раритет был выпущен в 1954 году. Отец подарил мне его на тридцатилетие. Но когда живешь на Манхэттене, о самостоятельном вождении не может быть и речи. Манхэттен – это сплошная автостоянка, рывками движущаяся вперед. Время является самым главным сокровищем, какое можно купить за деньги. Я летаю на личном самолете и езжу с водителем не потому, что стремлюсь к большому комфорту. Я трачу деньги на то и другое, поскольку чем ближе ты к концу жизни, тем больше жаждешь того, что занудливые эксперты называют «временем, проведенным с пользой». Именно это вы и получаете благодаря

частным самолетам и автомобилям с водителем. У меня есть возможность покупать время. Задумайтесь над этой возможностью. Она ближе всего стоит к таким понятиям, как «купить счастье» или «купить долгую жизнь».

Сегодня меня везет Магда, полька из Вроцлава. В первые минуты поездки мы завязываем разговор. Вначале Магда отвечает неохотно. Водителей элитных такси часто учат не докучать важным пассажирам. Но если умеешь задавать правильные вопросы, можно разговорить кого угодно. Это я и делаю. В зеркале заднего вида я вижу ее глаза. Они у нее синие. Из-под водительской шапочки выбиваются светлые волосы. Интересно, как выглядят остальные части ее тела? Я же, как-никак, мужчина, а в глубине души все мужчины – свиньи. Мой разговор с Магдой не означает, что я решусь на какие-то поползновения.

Машина, на которой я сегодня еду, – «Мерседес-Майбах S650». У «майбахов» восьми-футовое растяжение колесной базы, отчего сиденье может откидываться назад на сорок три градуса. Плюшевое сиденье имеет силовую подставку для ног, устройство для горячего каменного массажа и подлокотники с подогревом. В салоне есть складной стол для работы, небольшой холодильник и подставки для чашек, способные во вашему желанию охлаждать или нагревать содержимое.

Подумайте об этом. Возможно, я действительно стремлюсь к комфорту.

Тетерборо – ближайший к Манхэттену аэропорт, принимающий частные самолеты. Сюда мы приземлялись с Понтовым Папашей после той памятной ночи в Индианаполисе. Мы подъезжаем к тщательно охраняемым южным воротам аэропорта. Машину беспрепятственно пропускают на летное поле. Мы подкатываем к «Гольфстриму G700». Этот самолет еще не появился на рынке. Я удивлен. G700 стоит недешево – около 80 миллионов, – и правительственные служащие даже из верхнего эшелона, даже такие скрытные, как ПТ, обычно не настолько экстравагантны. На G700 летают ближневосточные шейхи, а не агенты ФБР.

Я не представляю, куда мы отправимся и когда вернемся. Возможно, полетим в Вашингтон или Куантико для встречи с ПТ, но полной уверенности у меня нет. Магда получила указание дожидаться моего возвращения. Она вылезает из машины и обходит вокруг капота, чтобы открыть мне дверцу. Я мог бы сделать это и сам, однако мой жест она может счесть высокомерным. Я благодарю ее, поднимаюсь по трапу самолета и вхожу внутрь.

– Привет, Вин.

ПТ сидит передо мной и широко улыбается. Я не видел его почти двадцать лет. Он выглядит стариком, но опять-таки ему скоро восемьдесят. Он не встает с места, чтобы поздороваться со мной. Возле него я замечаю трость. Крупный лысый старик с большими узловатыми руками. Я наклоняюсь и протягиваю руку. Он крепко пожимает ее. Глаза у него ясные. Жестом он предлагает мне сесть напротив. G700 вмещает девятнадцать пассажиров. Я это знаю, поскольку мне пытаются продать такой самолет. Как вы уже догадались, сиденья широкие и комфортабельные. Мы садимся друг против друга.

– Мы куда-нибудь полетим? – спрашиваю я.

ПТ качает головой:

– Я подумал, это хорошее место для частной встречи.

– Не знал, что G700 уже запущен в серию.

– Не запущен, – отвечает ПТ. – Я на этом не летал.

– Тогда на чем вы сюда прилетели?

– Я пользуюсь казенным «Хокером-400».

«Хокер-400» гораздо меньше и далеко не новая модель.

– Этот я арендовал для нашей встречи, поскольку он куда комфортабельнее «Хокера».

– Так оно и есть.

– И еще потому, что «Хокер», подозреваю, имеет на борту подслушивающие устройства.

– Понятно.

– Вин, я и в самом деле рад тебя видеть. – Он оглядывает меня с ног до головы.

– И я рад вас видеть, ПТ.

– Слышал, Майрон женился.

– Он приглашал вас на свадьбу.

ПТ не продолжает тему, и расспрашивать его я не собираюсь. Вместо этого стараюсь взять на себя инициативу в нашем разговоре.

– ПТ, вы знаете, кем был убитый барахольщик?

– А ты?

– Нет.

– Ты уверен, Вин?

Мне не нравится блеск в его глазах.

– Я видел лишь посмертный снимок лица, – говорю я. – Если хотите показать мне еще что-то...

– Нет необходимости.

Как я уже говорил, ПТ отличается высоким ростом. Это видно, даже когда он сидит. Он упирает ладони в свои высокие колени, словно позирует скульптору:

– Расскажи о чемодане.

– Вы не хотите сказать, кем был убитый? Или не знаете?

– Вин... – (Я молча жду.) – Расскажи о чемодане.

В его голосе слышатся нотки раздражения. Полагаю, так он обычно устрашает собеседников, однако у меня его тон вызывает не просто опасение.

Я ощущаю страх.

– Я жду, – говорит ПТ.

– Знаю.

– Тогда почему бы тебе не рассказать нам о чемодане?

– Потому что это не мои тайны.

– Благородно, – усмехается ПТ. – Но мне необходимо знать.

Я мешкаю, хотя, по правде говоря, знал, что мы дойдем до этого момента.

– Все, о чем ты расскажешь, останется между нами. Тебе это известно.

ПТ откидывается на спинку кресла и взмахом руки предлагает мне начать.

– Этот чемодан подарила мне тетка, когда мне было четырнадцать лет, – начинаю я. – Рождественский подарок. Все мужчины семьи Локвуд получили по чемодану. Только мужчины. Женщинам она подарила косметички.

– Сексистка, – замечает ПТ.

– Мы тоже так думали.

– Мы?

– Чемодан мне совсем не понравился, – продолжаю я, игнорируя его вопрос. – Сама идея подарка: натуральная кожа, монограмма с моими инициалами. Зачем он мне нужен? Я решил избавиться от чемодана, и мы с родственницей поменялись подарками. Я взял косметичку с ее инициалами. Она взяла чемодан. Странно, но я до сих пор беру в поездки эту косметичку. Такая вот внутренняя шутка.

– Вау! – произносит ПТ.

– К чему вы это?

– Вин, ты юлишь.

– Не понял.

– Я никогда не слышал от тебя пространных объяснений. Полагаю, причина в том, что ты не хочешь назвать имя своей родственницы?

Он прав. Дальше упираться бессмысленно.

– Это моя двоюродная сестра Патриша.

На лице ПТ мелькает секундное замешательство. Затем до него доходит.

– Постой. Так это Патриша... Локвуд?

– Да.

– Боже мой!

– Вот именно.

Он пытается переварить услышанное:

– Но как ее чемодан оказался в шкафу барахольщика?

Рано или поздно сотрудники ФБР докопаются до истории с чемоданом. Он значится в их документах. И это одна из трех причин, вынуждающих меня сказать правду. Причина первая: я доверяю ПТ настолько, насколько можно доверять кому-либо в подобной ситуации. Причина вторая: если я расскажу ПТ историю Патриши, он, возможно, поделится со мной тем, что известно ему. И третья причина: ФБР рано или поздно все узнает и без моей помощи, и тогда, увы, они подумают, будто мы с Патришей решили что-то скрыть.

– Вин! – торопит меня ПТ.

– После того как те двое мерзавцев убили моего дядю, они заставили Патришу собрать чемодан.

Мои слова не сразу доходят до ПТ, а когда это случается, у него округляются глаза.

– Ты имеешь в виду... Боже мой, ты же говоришь о Хижине ужасов?!

– Да.

Он трет лицо.

– Вспоминаю... так оно и было. После убийства твоего дяди они заставили ее сложить в чемодан что-то из одежды. Для отвлечения, надо понимать? – (Я молчу.) – Что они сделали с чемоданом?

– Патриша не знает.

– С тех пор она больше не видела чемодан?

– Ни разу. – Я откашливаюсь и бесстрастным голосом продолжаю рассказ – таким тоном, как если бы речь шла об офисном оборудовании или кафеле для ванной: – Патрише завязали глаза и сунули в рот кляп. Ей связали руки за спиной. Ее вместе с чемоданом затолкали в багажник машины и куда-то повезли. Когда машина остановилась, ее заставили идти по лесу. Сколько они шли, она не знает. По ее мнению, весь световой день. За все время пути похитители не сказали ей ни слова. Добравшись до сарая, они заперли ее внутри. Там она наконец сорвала повязку с глаз. Снаружи было темно. Так прошел день. Может, два. Она не помнит. Кто-то оставил ей плитки гранолы и воду. Потом один из похитителей вернулся. Хозяйственным ножом он изрезал ее одежду, после чего изнасиловал. Затем забрал искромсанную одежду, бросил ей еще несколько плиток гранолы и снова запер.

ПТ молча качает головой.

– И это продолжалось пять месяцев.

– Твоя сестра была не первой жертвой, – говорит он.

– Да, не первой.

– Я забыл, сколько их было.

– Нам известно о девяти. Возможно, было больше.

Его отвисшие щеки становятся заметнее.

– Хижина ужасов, – повторяет он.

– Да.

– Преступник так и не был схвачен.

Не знаю, ПТ спрашивает или просто констатирует то, что мы оба знаем. В любом случае его слова повисают в воздухе. Молчание затягивается.

– Или преступники, – добавляет ПТ. – Странно, не правда ли? Похищали ее двое, а в плену держал один.

- Один насиловал ее, – поправляю его я. – Так она считает.
Снаружи слышится шум взлетающего самолета.
- Вероятнее всего... – начинает ПТ и тут же осекается.
- Он поднимает голову к потолку салона. Мне кажется, что его глаза влажно блестят.
- Вероятнее всего, – повторяет он, – барахольщик был кем-то из тех двоих.
- Вероятнее всего, – соглашаюсь я.
- ПТ закрывает глаза и снова трет лицо, теперь уже обеими руками.
- Рассказанное мной что-то проясняет? – спрашиваю я; он опять трет лицо. – ПТ?
- Нет, Вин, ни черта это не проясняет.
- Но вы ведь знаете, кем был барахольщик?
- Да. Потому-то я и вернулся. Я не имею права стоять в стороне от этого дела.
- Вы ведь говорите не о Хижине ужасов?
- Нет. – ПТ подается вперед. – Но этого барахольщика я разыскивал почти пятьдесят лет.

Глава 6

– То, о чем я тебе расскажу, строго конфиденциально, – почесывая подбородок, говорит ПТ.

Это заявление меня раздражает. ПТ знает: такие предупреждения излишни и оскорбительны.

– Хорошо, – отвечаю я.

– Ты не должен никому рассказывать.

– Естественно. – Я слышу раздражение в голосе. – Это уже предполагалось, что явствует из слов «строго конфиденциально».

– Никому, – повторяет он и добавляет: – Даже Майрону.

– Нет, – говорю я.

– Что нет?

– Майрону я рассказываю все.

Он пристально смотрит на меня. Обычно ПТ невозмутим, как шкаф с документами. Попросите Сири показать вам образец невозмутимости, и у вас на экране появится фотография ПТ. Но сегодня, на борту «Гольфстрима G700», от него исходят волны возбуждения.

Я откидываюсь на спинку кресла, скрещиваю ноги и двумя руками показываю готовность слушать. ПТ открывает портфель, стоящий у него сбоку, достает конверт из плотной бумаги и протягивает мне. Пока я открываю конверт и вынимаю фотографию, он смотрит в окно.

– Думаю, тебе знаком этот снимок.

Знаком. Вы бы тоже его узнали. Передо мной одна из культовых фотографий, олицетворяющих шестидесятые годы прошлого века с их антивоенными демонстрациями, пропагандой хиппи «властью цветов», борьбой за права женщин и гражданские права и расцветом контркультуры. Возможно, я ошибаюсь, и речь идет о самом начале семидесятых. Откуда мне помнить? Этот снимок – один из документов той эпохи; такой же, как снимки с процесса «Чикагской семерки»⁶, снимок Мэри Энн Веккьо⁷, стоящей на коленях над телом Джефффри Миллера⁸, убитого в Кентском университете. Добавьте сюда снимки «Веселых проказников»⁹ на крыше их психоделического автобуса, снимок демонстрантки, протягивающей цветок национальному гвардейцу, снимки ликующей толпы в Вудстоке¹⁰ и снимки сидячей забастовки чернокожих студентов в кафетерии «Вулворта»¹¹. . . Вот и этот знаменитый снимок шестерых нью-йоркских студентов когда-то красовался на первой полосе каждой газеты и вошел в анналы истории.

– Снимок сделан за день до их атаки, – говорит ПТ.

Это я помню.

– И сколько тогда погибло?

– Семь человек. Еще двенадцать получили травмы разной степени тяжести.

⁶ «Чикагская семерка» – подсудимые по делу о протестах во время съезда демократической партии, происходившего в Чикаго в августе 1968 г.

⁷ Мэри Энн Веккьо – 14-летняя девочка, присоединившаяся к участникам студенческого протеста в Кентском университете в мае 1970 г.

⁸ Джефффри Миллер – студент Кентского университета (штат Огайо), застреленный национальными гвардейцами. Протест студентов был направлен против вторжения в Камбоджу и присутствия национальной гвардии на территории университетского кампуса.

⁹ «Веселые проказники» – неформальное название субкультурной группы, активной в 1964–1966 гг. Известна своей популяризацией ЛСД.

¹⁰ Вудсток – один из самых знаменитых рок-фестивалей, проходивший в августе 1969 г. на ферме в штате Нью-Йорк.

¹¹ «Вулворт» – универсам в Гринсборо (штат Северная Каролина), в кафетерии которого чернокожие студенты провели сидячую забастовку, протестуя против расовой сегрегации.

Фотография сделана в подвале таунхауса на Джейн-стрит в Гринвич-Виллидже. На ней шестеро: четверо всклоченных парней и две всклоченные девушки; все длинноволосые, одетые в манере ранних американских хиппи. Вид у всех ликующий: улыбки во весь рот, выпученные глаза. Я уверен: если увеличить снимок, наверняка будут видны расширенные зрачки – следствие приема какого-то психоделика. Все шестеро держат в поднятых руках винные бутылки, словно салютуют грядущей победе. Жуткой победе, поскольку из горлышек бутылок торчат фитили. Вскоре мир узнает, что бутылки были наполнены керосином. На следующий вечер эти фитили вспыхнут, бутылки полетят в цель и вызовут гибель людей.

– Ты помнишь их имена? – спрашивает ПТ.

Я указываю на парней в центре:

– Это, естественно, Рай Стросс. А это Арло Шугармен.

Имена лидеров группы тогда знали все. Что касается самых известных фотографий, людям свойственно искать дополнительный смысл в расположении предметов. То же происходит и с известными живописными полотнами. Вот и на этом снимке, если приглядеться, двое юношей посередине кажутся крупнее. Они ярче освещены. Нечто подобное ощущаешь, если всматриваться в картину Рембрандта «Ночной дозор». Снимок шестерки был изучен вдоль и поперек. Сначала вы рассматриваете его целиком, потом замечаете индивидуальные особенности каждого. У Стросса длинные светлые волосы, как у скандинавского Тора или Фабио, у Шугармена прическа «афро», наподобие той, что тогда носил певец Арт Гарфанкел. Стросс держит «коктейль Молотова» в правой руке, Шугармен – в левой. Свободными руками они обнимают друг друга за шею. Оба смотрят прямо в объектив аппарата, готовые бросить миру вызов. Что они вскоре и сделают... и с позором провалятся.

– А что скажешь о ней? – ПТ наклоняется вперед и пальцем касается лица девушки справа от Рая Стросса.

Эта хрупкая на вид девушка выглядит менее уверенно. Ее глаза устремлены на Стросса, словно она пытается следовать его указаниям. Бутылку она подняла только наполовину. В ее движениях улавливается робость.

– Ларк, как ее там?

– Лейк, – поправляет меня ПТ. – Лейк Дэвис.

– Единственная, кого удалось поймать?

– Спустила почти три года. Она сама сдалась.

– Приговор ей вызвал противоречия.

– Она отсидела всего полтора года. Ее защитник выступал очень убедительно, упирая на то, что ее участие в нападении было незначительным. Скорее всего, парни бросали бутылки сами, не доверяя это девушкам. Далее защитник обращал внимание на ее молодость и житейскую глупость, а также безоглядную влюбленность в Рая Стросса. Рай был харизматичным лидером. Своеобразным Чарльзом Мэнсоном. Арло Шугармен отличался более прагматичным подходом. Добавлю, что Лейк Дэвис сотрудничала с нами.

– Каким образом?

– Давай перенесемся в то время. – ПТ подается вперед и последовательно указывает на лица шестерки. – Рай Стросс и Арло Шугармен были лидерами. Обоим по двадцати одному году. Лейк Дэвис было девятнадцать. Она училась на первом курсе Колумбийского университета. Рыжеволосую девушку звали Эди Паркер. Она из Нью-Джерси. Оставшиеся двое ребят – это Билли Роуэн, первокурсник Холиоковского колледжа в Массачусетсе, бойфренд Эди Паркер. И наконец, чернокожий Лайонел Андервуд учился на первом курсе Нью-Йоркского университета. Ты следишь за моим рассказом?

– Да.

– Эта фотография была сделана за сутки до их нападения на Фридом-Холл в Нижнем Ист-Сайде. ОСОДВ¹² арендовала Фридом-Холл, собираясь устроить танцульки для солдат и местных девиц. Шестерка намеревалась устроить пожар и спалить помещение накануне танцевального вечера.

Я хмрюсь:

– Решили воевать с танцзалом.

– Вот-вот. Герои.

– Или они были под кайфом.

– Такие группы считали, что Соединенные Штаты находятся на грани настоящих политических перемен и что насилие ускорит перемены.

– Или они были под кайфом, – повторяю я и снова хмрюсь.

– Помнишь, что произошло в тот вечер?

– Я читал об этом. Помнить не могу, я родился несколько позже.

– По утверждению группы, они не хотели человеческих жертв. Их целью было повредить помещение. Потому временем нападения они выбрали поздний вечер, когда Фридом-Холл пустовал. Но одна из бутылок, так сказать, отклонилась от курса и ударилась в фонарный столб, сорвав провода. Посыпались искры. Это отвлекло внимание водителя междугороднего автобуса, который поднимался по эстакаде на Уильямсбургский мост. А дальше начинается трагедия. Водитель в панике резко сворачивает вправо. Автобус ударяется о каменную стенку, срысывается с эстакады и падает в Ист-Ривер. Пассажиры захлебнулись. – ПТ ненадолго умолкает. – И вот через два с лишним года Лейк Дэвис приходит в Детройтское управление ФБР и сдается властям. Но судьба ее сообщников: Стросса, Шугармена, Роуэна, Паркер и Андервуда – по сей день остается загадкой.

Все это мне известно. О бунтарях было снято великое множество документальных фильмов, сделаны теле- и радиопередачи. Позже появились художественные фильмы и романы. О них была написана баллада в стиле фолк, ставшая хитом и до сих пор звучащая по радио. Она называется «Исчезновение „Шестерки с Джейн-стрит“».

– Зачем она сдалась? – спрашиваю я.

– Она находилась в бегах вместе с Раем Строссом. Во всяком случае, так она рассказала нам. По ее словам, существовала целая тайная сеть радикалов, помогавшая разыскиваемым бунтарям скрываться от закона. Для нас в этом не было ничего нового. «Синоптики», «Черные пантеры», Симбионистская армия освобождения, ВСНО¹³ и так далее – все они находились в бегах и разными способами получали помощь. Опять-таки, по словам Дэвис, в какой-то момент Рай Стросс решил сменить внешность и сделал пластическую операцию. Кстати, ее делал врач, который затем менял внешность Эбби Хоффману. Они со Строссом продолжали прятаться, держась на шаг впереди от правоохранительных органов. Так они оказались на Верхнем полуострове Мичигана, в рыбацкой лодке. Лодка опрокинулась, и Стросс утонул. Тогда-то Дэвис и решила сдаться властям.

– И Стросс утонул, – повторяю я слова ПТ.

– Да.

– Разделил участь своих жертв?

– Да.

Я указываю на Арло Шугармена с его пышным «афро» на голове:

¹² Объединенная служба организации досуга войск.

¹³ «Синоптики» – леворадикальная террористическая организация, действовавшая в США с 1969 по 1977 г.; «Черные пантеры» – леворадикальная организация чернокожих, существовала с середины 1960-х до конца 1970-х; Симбионистская армия освобождения – леворадикальная террористическая организация, действовавшая в 1973–1975 гг.; ВСНО – Вооруженные силы национального освобождения – пуэрто-риканская террористическая группа, боровшаяся за независимость Пуэрто-Рико от США, активно проводила теракты на территории США в 1974–1983 гг.

– А ведь Шугармена едва не схватили?

По лицу ПТ пробегают тень. Его пальцы начинают сгибаться и разгибаться.

– Через четыре дня после атаки ФБР получило наводку, что Арло Шугармен прячется в Бронксе, в заброшенном доме. Можешь представить, какая напряженка тогда была в Бюро. Расследованием занималась куча агентов, но когда ищешь шестерых подозреваемых и тебе постоянно приходят наводки... – Он замолкает, делает глубокий вдох и снова трет лицо. – В тот дом мы послали всего двоих агентов.

– И никакой поддержки?

– Нет.

– Стоило бы обождать, – говорю я, так как знаю, чем это кончилось. – Одного Шугармен застрелил.

– Он убил заслуженного агента по имени Патрик О'Мэлли. Вторым агентом был новичок. Он-то и провалил операцию, не остановив О'Мэлли, когда тот один проник в дом через заднюю дверь. Словом, О'Мэлли попал в засаду. Он умер по пути в больницу. Шестеро детей остались без отца.

– А Шугармен улизнул, – говорю я.

– С тех пор его ни разу не видели, – кивает ПТ.

– Не только его. Остальных тоже.

– Да, и в этом-то вся загадка.

– У вас были соображения на этот счет?

– Были.

– И какие?

– Я пришел к выводу, что все они мертвы.

– Почему?

– Я не меньше других люблю фольклор, но в реальной жизни трудно скрываться пятьдесят лет подряд. Что происходило со всеми бунтарями, уходившими в подполье? Одни сдались, других выловили к началу восьмидесятых. Думать, будто пятеро из «Шестерки с Джейн-стрит» до сих пор живы и прячутся от закона, – полная бессмыслица.

Я смотрю на фотографию:

– ПТ...

– Да?

– Я думаю, барахольщик был одним из «Шестерки с Джейн-стрит». – (ПТ кивает.) – Который?

– Рай Стросс.

Я морщю лоб:

– Стало быть, Лейк Дэвис вам соврала.

– Похоже, что так.

Я думаю над его словами.

– Значит, Рай Стросс, харизматичный лидер, икона «Шестерки с Джейн-стрит», оканчивает свои дни нелюдимым барахольщиком, живущим в одной из башен небоскреба на Сентрал-Парк-Вест.

– Вместе с бесценной картиной Вермеера, висящей у него над кроватью, – добавляет ПТ.

– Которую он украл у моей семьи.

– Перед тем как напал и похитил твою двоюродную сестру, а до этого убил твоего дядю. На некоторое время мы умолкаем, позволяя логической цепочке осесть в нашем сознании. Затем я говорю:

– Вы же не рассчитываете на то, что ФБР будет держать личность барахольщика в секрете.

– Нет. Такое было бы невозможно. В нашем распоряжении день, от силы два, а потом все выплеснется наружу.

– И чего вы хотите от меня? – спрашиваю я, сцепляя пальцы.

– Разве ты не догадался? Я хочу, чтобы ты провел расследование.

– А как же Бюро?

– Для ФБР раскрытие личности Стросса вызовет поток неприятных воспоминаний. Ты, конечно, не можешь помнить доклад Комиссии Чёрча в семьдесят пятом году. Там были вскрыты множественные факты незаконной слежки ФБР за группами защитников гражданских прав, феминистками, пацифистами и прочей публикой, которую мы тогда называли новыми левыми.

– Не понимаю, каким образом это связано со мной.

– В расследовании этого дела ФБР придется играть строго по правилам, – говорит он и многозначительно смотрит на меня. – Надо мне добавлять, что ты от этого свободен?

– Кажется, вы уже добавили.

– Если ты простишь мне каламбур, это беспроблемная ситуация, Вин¹⁴.

– Не прощу.

– Не простишь?

– Не прощу каламбур.

Мои слова вызывают у него улыбку.

– Что ж, вполне честно и точно. Ты, со своей стороны, занимаешься расследованием и защищаешь интересы семьи, и прежде всего интересы двоюродной сестры.

– А с вашей стороны?

– Раскрытие крупного дела.

Я обдумываю его ответ и говорю:

– Я в это не верю. – (ПТ молчит.) – Меньше всего вам нужно пятно на вашем поясе чемпиона. Вы же окончили службу, не проиграв ни одного дела.

В голове теснится множество вопросов, но один так и рвется наружу. Я задаю его ПТ:

– Почему это дело так важно для вас?

– Из-за Патрика О’Мэлли.

– Агента, застреленного Шугарменом?

– Я был тем самым новичком, провалившим операцию.

¹⁴ Каламбур строится на имени героя Win и на словах win-win, что означает беспроблемную и/или взаимовыгодную ситуацию.

Глава 7

Пока мой самолет заправляют горючим, ПТ вручает мне папку толщиной с телефонный справочник. Есть много такого, что мне нужно узнать и запомнить, но важнее всего сейчас время. Мы оба приходим к выводу: первым делом нужно встретиться и поговорить с Лейк Дэвис.

– После освобождения из тюрьмы она сменила имя, – говорит ПТ.

– Ничего удивительного.

– Ничего удивительного, но в данном случае подозрительно. Вначале она официально сменила имя. Ладно, сменила, и на здоровье. Однако через два года, решив, что мы перестали за ней следить, она обзавелась полностью фальшивыми документами.

ПТ, конечно же, не переставал за ней следить.

– Теперь ее зовут Джейн Дорчестер. Она живет в Западной Виргинии, в Льюисберге. Владелица собачьего пансионата на окраине города. Замужем. Ее муж – Росс Дорчестер – местный застройщик. Детей у них нет, что вполне объяснимо. Замуж она выходила двадцать лет назад, когда ей было сорок с хвостиком. У Росса две взрослые дочери от первого брака.

– А муж знает, кто она на самом деле?

– Не могу сказать.

Дальше терять время нет смысла. Мы уже находимся в аэропорту Тетерборо. Кабир быстро договаривается с аэропортом в Гринбрайер-Вэлли о посадке моего самолета. Я прощаюсь с ПТ. Не проходит и двух часов, как мой самолет приземляется в Западной Виргинии. У меня на борту есть целый гардероб, поэтому я переодеваюсь так, чтобы максимально соответствовать местным стандартам: выгоревшие облегающие джинсы от Адриано Гольдшмида, клетчатая фланелевая рубашка от Сен-Лорана. На ногах – туристские ботинки «Берениче» итальянской фирмы «Монклер».

Я смешиваюсь с местными мужчинами.

На летном поле меня ждет автомобиль с водителем – полноразмерный пикап «шевроле-сильверадо». Это добавляет местного колорита.

Спустя пятнадцать минут после посадки самолета «шеви-сильверадо» подкатывает к длинному фермерскому дому в конце тупика. Во дворе красуется тошнотворно-яркая вывеска, все буквы разного цвета:

Добро пожаловать в «Риц – Веселый лай».

Отель и курорт

Я громко вздыхаю.

Ниже, буквами помельче, написано:

Поиски окончены!

Вы в лучшем собачьем спа-салоне Западной Виргинии.

Я снова вздыхаю и прикидываю: сумею ли вывернуться, если разряжу в вывеску обойму.

Во время полета я внимательно просмотрел сайт, настойчиво зазывающий в собачий «пятилапный» отель и расписывающий все его достоинства. Заведение предлагает «свободное, внеклеточное содержание». Питомцев здесь можно оставлять как на несколько часов, так и на несколько дней. Хозяевам обещаются чудеса для их «роскошных питомцев». В глазах рябит от трескучих, напыщенных фраз. Здесь предлагают заботливый уход, повышенное внимание к состоянию шерсти, позитивный настрой и – честное слово, я это не придумал – дзенское душевное спокойствие.

Для собак.

Этот, с позволения сказать, «отель» представляет собой типичный пригородный дом в стиле ранчо с протяженными карнизами и покатой крышей. Я иду к открытой входной двери, сопровождаемый разноголосым лаем. За столом сидит молодая женщина. Она награждает меня улыбкой во весь рот и с чрезмерным энтузиазмом произносит:

– Добро пожаловать в «Риц – Веселый лай»!

– Сколько раз в день вам приходится это повторять? – спрашиваю я.

– Что вы сказали?

– Вы чувствуете, как каждый раз эта фраза откалывает кусочек вашей души?

Женщина не перестает широко улыбаться, но улыбка – это ширма, за которой ничего нет.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – Она перегибается через стол и смотрит на пространство у моих ног. – А где ваша собака?

– Я хочу видеть Джейн Дорчестер.

– Я могу вас обслужить. – Женщина протягивает мне планшет с зажимом, в который вставлено нечто вроде анкеты. – Пожалуйста, заполните эту...

– Нет, сначала мне необходимо увидеть Джейн, – возражаю я. – Мой добрый друг Билли Боб (еще один элемент местного колорита) посоветовал: прежде чем заполнять какие-либо бумаги, обязательно повидаться с Джейн Дорчестер.

Женщина медленно откладывает планшет и встает:

– Ну хорошо. Сейчас узнаю, свободна ли она. Как вас представить?

– Меня зовут Вин.

Она смотрит на меня. Я подбадриваю ее улыбкой. Собачья администраторша уходит.

У меня звонит мобильник. Это Патриша. Вместо ответа отправляю ей эсэмэску:

Позже все расскажу.

Пока не знаю, какую часть услышанного от ПТ сообщу Патрише. Но это может обождать. «Не берись за все дела сразу», – всегда говорил отец, хотя сам редко следовал этому совету. Мне больше нравится высказывание матери Майрона, поданное так, что оно составило бы конкуренцию лучшим шоу Борщового пояса¹⁵: «Нельзя ехать на двух лошадях, когда одна из них плетется сзади». Тогда это касалось моих сексуальных походов, и я не слишком понял смысла ее слов, но я все равно обожаю Эллен Болитар и ее мудрость.

Справа от себя я вижу нечто вроде разноцветной игровой комнаты с горками, туннелями, пандусами и игрушками, которые можно жевать. На стенах нарисованы радуги. Пол выстлан зелеными, желтыми, красными и оранжевыми резиновыми плитками. Яркостью и разноцветьем это место превосходит детский сад.

Входит крупный мужчина, неся впереди свой большой живот. Он хмурится на меня и спрашивает:

– Я могу вам помочь?

– А разве у собак есть цветное зрение? – Я киваю в сторону игровой комнаты.

Мой вопрос его смущает.

– Я могу вам помочь? – повторяет он уже с заметной долей раздражения.

– Вы что, Джейн Дорчестер?

Большому Брюху это не нравится.

– Разве я похож на Джейн Дорчестер?

– В области сисек – возможно.

Это ему тоже не нравится.

– Если вы хотите устроить вашу собаку в пансионат...

– Не хочу.

¹⁵ *Борщовый пояс* – разговорное название курортов в районах Катскилл, Адиронак, Поконо и Беркшир-Хиллс.

– Тогда, думаю, вам лучше уйти.

– Нет, благодарю вас. Я пришел сюда, чтобы увидеться с Джейн Дорчестер.

– Она занята.

– Тогда скажите ей, что меня прислала некая мисс Дэвис. Мисс Лейк Дэвис.

Врежь я ему по животу ногой с разворотом, его реакция была бы схожей. В этом у меня никаких сомнений. Он знает, кем на самом деле является Джейн Дорчестер. Я склоняюсь к мысли, что передо мной ее муж Росс.

– Дебби, – говорит он улыбающейся молодой особе за столом, – сходи и помоги готовить ванны для собак.

– Но, папа...

– Иди, дорогая.

Услышав «папа», я делаю вывод: Дебби-за-столом – одна из дочерей Росса. Не спешите восхищаться. Некрасиво хвастаться своими успехами, однако я здорово владею искусством дедукции.

Мой мобильник подает сигнал. Точнее, три коротких сигнала. Удивительно. Три коротких сигнала означают входящее сообщение от безымянного приложения знакомств. Меня так и подмывает посмотреть сообщение. Предложения такого характера поступают редко. Обычно инициатором является мужчина. Я заинтригован.

Но на ум снова приходит мудрая фраза Эллен Болитар. Одна лошадь впереди, другая сзади.

– Вам следует уйти, – говорит Большое Брюхо, когда Дебби оставляет нас вдвоем.

– Нет, Росс, я никуда не уйду.

– Садитесь в вашу машину и...

– У меня не машина, а пикап. Вполне мужской автомобиль. Согласны?

– Мы не знаем никакой Лейк Дэвис.

Я награждаю его своим патентованным скептическим изгибом бровей. Уместное применение этого жеста делают слова вроде «Да будет вам» совершенно излишними.

– Мы ее не знаем, – настаивает Росс.

– Отлично. В таком случае вы не станете возражать, если я обращусь в СМИ и сообщу им, что Лейк Дэвис, известная метательница бутылок с зажигательной смесью, одна из «Шестерки с Джейн-стрит», ныне скрывается в Западной Виргинии под именем Джейн Дорчестер.

Он делает несколько шагов в мою сторону. Его живот раскачивается.

– Послушайте, – произносит он вполголоса, как это делают крутые парни в фильмах, – она отбыла свой срок.

– Верно. Отбыла.

– И здесь по-прежнему территория Соединенных Штатов Америки.

– Так оно и есть.

– Мы не обязаны говорить с вами.

– Вы, Росс, не обязаны. А вот вашей жене придется.

– Приятель, я знаю законы. Моя жена не обязана ничего говорить ни вам, ни кому-либо еще. У нее есть права, включая право хранить молчание. Мы намерены воспользоваться этим правом.

Его живот совсем рядом со мной, отчего у меня возникает желание по нему похлопать.

– Росс, вы ведь нечасто пользуетесь этим правом. Что, угадал?

Ему не нравится услышанное, но надо признаться: сейчас я действую не самым лучшим образом. Росс подходит еще ближе. Теперь его живот почти касается меня. Росс смотрит на меня сверху вниз. Замечали, что крупные мужчины часто совершают эту ошибку?

– У вас есть предписание? – спрашивает он.

– Нет.

– Вы находитесь в частном владении. У нас есть права.

– Вы уже не первый раз это говорите.

– О чем?

– О том, что у вас есть права. Мы можем перейти к делу? Я не работаю в правоохранительных органах. Они должны следовать правилам. Я – нет.

– Вы – нет... – Росс изумленно качает головой. – Вы это всерьез?

– Позвольте пояснить. Если Джейн откажется говорить со мной, я обращусь в СМИ и расскажу, кем стала знаменитая Лейк Дэвис. У меня с этим нет проблем. Но шумом в СМИ дело не закончится. Я найму людей, которые будут дежурить возле вашего дома и всех мест, где вы бываете по делам, возле вашего разрекламированного собачьего отеля тоже. И куда бы Джейн ни пошла, эти люди будут забрасывать ее вопросами.

– Это харассмент!

– Тише, не перебивайте! Я посмотрел на сайте Yelp отзывы о вашем отеле. Одна женщина резко отзывается о вас. Она оставляла вам своего пуделя, а его здесь покусал бишон-фризе. Я встречаюсь с этой женщиной и сумею убедить ее подать на вас в суд. Я дам ей своего личного адвоката, и ей не придется заплатить ни цента. Возможно, отыщутся и другие владельцы собак, которые захотят выдвинуть аналогичные иски против вас. Я найму следователей, и они детально проверят каждую сторону вашей деловой и личной жизни. Любому человеку есть что скрывать, но если я ничего не найду, то попросту создам компромат. Я буду неутомим в своих усилиях поломать жизнь вам обоим, и мои усилия принесут результаты. Наконец, пройдя через множество ненужных страданий, вы оба поймете: единственный способ остановить этот кошмар – поговорить со мной.

Лицо Росса Дорчестера багровеет.

– Это... это шантаж.

– Постойте, сейчас найду в сценарии свои дальнейшие слова. – Делаю вид, что листаю страницы. – Вот, нашел. – Откашливаюсь. – Шантаж. Какое мерзостное слово!

На мгновение кажется, будто Росс меня ударит. Я это чую нутром. Мне, конечно же, хочется, чтобы он ударил, тогда я смогу дать сдачи. Я давно убедился, что мне не обуздать эту сторону своей личности, хотя в данном случае насилие только помешало бы мне достигнуть своих целей.

Когда Росс вновь открывает рот, в его голосе слышится боль:

– Вы не знаете, через что она прошла.

Я молчу. «Теперь понятно, – думаю я, – почему ПТ хотел, чтобы я взялся за это дело и почему он не стал полагаться на коллег».

– Она упорно трудилась, чтобы подвести черту под прошлым и построить хорошую жизнь для нас и нашей семьи. И после всего этого вы неожиданно вторгаетесь и...

Мне так и хочется оборвать его монолог одним из лучших образцов своей пантомимы: показать игру на самой крошечной в мире скрипке. Но опять-таки это только повредит.

– У меня нет намерений причинять вред кому бы то ни было, – уверяю я Росса. – Мне необходимо поговорить с вашей женой. Затем я, скорее всего, предложу вам обоим собрать чемоданы и на время куда-нибудь уехать.

– Почему?

– Потому что, нравится вам или нет, прошлое возвращается.

Он моргает и отводит взгляд:

– Убирайтесь!

– Нет.

– Я сказал...

– Росс... – слышится за спиной женский голос.

Я поворачиваюсь. У нее короткие седые волосы. На ней джинсы. Рукава коричневой рубашки, явно принадлежащей ее мужу, закатаны до локтей. На ногах – поношенные серые кроссовки. На руках – резиновые перчатки. В одной руке она держит ведро. Ее глаза устремлены на меня. Возможно, она надеется на сочувствие и понимание. Поскольку выражение моего лица не обещает ни того ни другого, на ее лице медленно появляется выражение покорности судьбе. Она поворачивается к мужу.

– Ты не обязана, – начинает Росс, но Джейн – Лейк отмахивается:

– Мы всегда знали, что этот день придет.

Теперь и его лицо выражает готовность капитулировать.

– Как вас зовут? – спрашивает она.

– Называйте меня Вином.

– Вин, пойдёмте прогуляемся.

Глава 8

– Как вы меня нашли?

Мы вышли на задний двор. Там два больших загона, в которых свободно бегают собаки. Один предназначен для пород помельче. На столе лежит бородастая колли, которой работники пансионата наводят красоту. Бульмастиф принимает ванну. Двор залит ярким солнечным светом.

Джейн ждет моего ответа, и потому я отвечаю:

– У меня свои методы.

– Это было очень давно. Я говорю так не ради оправдания. И моя роль во всем этом была незначительной, что тоже не является оправданием. Но не проходит дня, чтобы я не вспомнила тот жуткий вечер.

Я притворно зеваю. Она усмехается:

– О'кей. Возможно, я заслуживаю это. Может, мои слова звучат немного лицемерно.

– Самую малость, – отвечаю я.

Она снимает перчатки, тщательно моет руки и вытирает полотенцем. Потом кивком головы указывает на дорожку в зарослях, предлагая пройти туда.

– Вин, зачем вы приехали?

– Расскажите о том дне, когда Рай Стросс утонул в озере Мичиган, – вместо ответа прошу я.

Она идет, опуская голову все ниже. Руки у нее засунуты в задние карманы, не знаю зачем. Но мне это почему-то нравится.

– Рай не утонул, – говорит она.

– Однако полиции вы сказали, что утонул?

– Да.

– Значит, вы солгали?

– Да.

Мы углубляемся в заросли.

– Мне думается, Рай сумел выплыть. – (Я не отвечаю.) – Он жив или мертв?

И вновь я оставляю ее вопрос без ответа.

– Когда вы в последний раз видели Рая Стросса?

– Вы ведь не агент ФБР?

– Нет.

– Но та история вас очень интересует.

– Миссис Дорчестер! – говорю я и останавливаюсь.

– Зовите меня Лейк. – У нее впечатляющая улыбка, которая мне нравится. В этой женщине есть спокойная сила. – Почему бы и нет? – добавляет она.

– Почему бы и нет, – повторяю я. – Лейк, мои дела вас не касаются. Мне нужно, чтобы вы сосредоточились. Ответьте на мои вопросы, и я исчезну из вашей жизни. Это понятно?

– А в вас что-то есть.

– Да. Так когда вы последний раз видели Рая Стросса?

– Более сорока лет назад.

– Значит, это было...

– За три недели до того, как я сдалась властям.

– И с тех пор у вас с ним не было никаких контактов?

– Никаких.

– Есть какие-нибудь догадки насчет мест его обитания?

Ее голос становится мягче.

– Никаких, – повторяет она и спрашивает: – Рай жив?

– Где вы видели его в последний раз? – Я игнорирую и этот ее вопрос.

– Не понимаю, почему сейчас это так важно.

«Отвечайте на мой вопрос», – говорит моя улыбка.

– Мы находились в Нью-Йорке. Есть такой пивной бар «Малаки». Это на Семьдесят второй улице, близ Колумбус-авеню.

Я знаю «Малаки». Типичный пивной бар, где светловолосые уставшие барменши называют вас «дорогуша». Листы меню там ламинированы, но после них хочется вымыть руки. «Малаки» – это не искусственно созданная пивнушка, не какая-то копия дайв-бара из диснеевских фильмов, где хипстеры могут чувствовать себя погруженными в романтическую атмосферу и в то же время не опасаться за свою безопасность. Иногда я захожу в «Малаки» – это всего в квартале от моего дома. Но, заходя туда, я не прикидываюсь завсегдатаем.

– В семидесятые годы существовала подпольная сеть тех, кто симпатизировал и помогал нам, – продолжает Лейк. – Мы с Раем постоянно перемещались. Эти люди прятали нас. – Она перехватывает мой взгляд; у нее манящие серые глаза, прекрасно сочетающиеся с сединой волос. – Но их имен я вам не назову.

– Мне не интересно вламываться в жизнь престарелых хиппи.

– Тогда что вам нужно от меня?

Я жду. Она вздыхает:

– В общем, помотались мы изрядно. По коммунам хиппи, подвалам, заброшенным домам, кемпингам, неприметным мотелям. Это продолжалось более двух лет. Не забывайте: когда все это началось, мне было всего девятнадцать. Мы планировали спалить пустое здание. Никто из людей не пострадал бы. Мне даже не разрешили бросить бутылку с «коктейлем Молотова».

Она уклоняется в сторону.

– Итак, вы оказались в Нью-Йорке, в пивбаре «Малаки», – напоминаю я.

– Да. Ютились в подвальной кладовке. Вонь была жуткая. Смесь прокисшего пива и блевотины. Эта вонь до сих пор меня преследует. Честное слово. Но главное не в этом. Рай – он стал психически неустойчивым. Думаю, у него и раньше были нелады с психикой. Теперь я это хорошо понимаю. Не знаю, что со мной было не в порядке, но мне казалось, будто только он сможет исправить положение. Я выросла в далеко не идеальных условиях, только вряд ли вы захотите об этом слушать.

Она права. Не захочу.

– Но Рай, запертый в тесном вонючем подвале, начал буквально съезжать с катушек. Я больше не могла находиться рядом с ним. Эти отношения пагубно действовали на меня. Нет, он никогда меня не бил. Я совсем не об этом. Женщина, приютившая нас в подвале «Малаки», тоже это видела. Добрая женщина. Я буду называть ее Шейлой, хотя это не ее настоящее имя. Шейла поняла, что я нуждаюсь в помощи. Я часто плакалась ей в жилетку. Вскоре мне стало понятно: я должна от него уйти. Иного выбора не было. Но куда уйти? Я собиралась и дальше прятаться от властей. Шейла знала кого-то, кто мог бы тайком переправить меня в Канаду, а оттуда в Европу. Однако я уже больше двух лет находилась в бегах. Я не хотела жить так до конца своих дней. Стресс, грязь, усталость и, хуже всего, скука. Весь день ты либо куда-то едешь, либо прячешься. Мне думается, разыскиваемые беглецы чаще всего сдаются властям, чтобы прекратить монотонное существование. Я просто жаждала нормальной жизни. Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю?

– О нормальной жизни, – вслед за ней повторяю я, чтобы она не потеряла нить рассказа.

– Шейла познакомила меня с юристом, симпатизирующим таким, как я. Он преподавал в Колумбийском университете. Он посоветовал сдать, предположив, что много мне не дадут. Основной упор защиты будет сделан на мою молодость, пагубное влияние Рая и так далее. Мы

разработали план. Я отправилась в Детройт, где пряталась несколько недель. Когда прошло достаточно времени, я явилась в местное ФБР.

– Вы рассказывали Раю Строссу о том, что собираетесь сделать?

Она медленно качает головой, запрокинутой к небу:

– Все это делалось у Рая за спиной. Я оставила у Шейлы записку для него, где попыталась все объяснить.

– И как он отреагировал на ваш отъезд?

– Не знаю. Когда берешься за осуществление подобного плана, назад уже не оглядываешься. Это слишком опасно для всех.

– А потом, оказавшись на свободе, вы пытались что-то выяснить?

– Нет, никогда. По той же причине: не хотела никого подвергать опасности.

– Но вас должно было снедать любопытство.

– Скорее чувство вины, – возражает она. – Рай становился все более невыносим, и у меня не было другого выхода, кроме как с ним порвать. Его влияние на меня ослабело, но... Боже, вам не вообразить, чего мне это стоило! Для меня весь свет клином сошелся на Рае Строссе. Ради него я была готова умереть. В буквальном смысле.

У меня возникает вопрос, который я решаю приберечь на потом: «А убивать ради него вы тоже были готовы?»

– В ФБР вы сказали, что он утонул на Верхнем полуострове Мичигана.

– Я придумала такую версию.

– Зачем?

– А вы как думаете? Я все-таки была перед ним в долгу.

– Вы сделали это, чтобы отвлечь внимание?

– Разумеется, чтобы копы не дышали ему в затылок. Я также должна была объяснить, почему сдалась властям именно сейчас. Не могла же я сказать, что причиной послужило невменяемое состояние великого Рая Стросса, орущего на себя в подвале бара в Верхнем Вест-Сайде. Сейчас бы у него диагностировали биполярное расстройство, обсессивно-компульсивное навязчивое состояние и что-нибудь подобное. А тогда? По ночам, когда бар закрывался, Рай частенько поднимался наверх и начинал расставлять бутылки на полках так, чтобы они находились на одинаковом расстоянии друг от друга и этикетки глядели строго по центру. Он занимался этим часами.

Я вспоминаю башню в «Бересфорде».

– У него были деньги?

– У Рая?

– Вы говорили, что прятались в подвале бара.

– Да.

– У него были деньги на более приличное жилье?

– Нет.

– Он интересовался искусством?

– Искусством?

– Живописью, скульптурой, еще чем-то.

– Я не... А почему вы спрашиваете?

– Вы когда-нибудь совершали ограбления вместе с ним?

– Что? Разумеется, нет.

– Значит, вы попросту рассчитывали на доброту незнакомых людей?

– Я не...

– Вы наверняка знаете, что другие радикалы не брезговали ограблением банков. Например, Симбионистская армия освобождения. Они ограбили броневоз компании «Бринк». Вы со Строссом занимались чем-то подобным? Я не собираюсь привлекать вас к

ответственности. Дело все равно бы не возбудили из-за истечения срока давности. Но мне необходимо знать.

Нам навстречу идет подросток с тремя собаками на поводках. Лейк Дэвис улыбается и кивает ему. Он кивает в ответ.

– Я еще в самом начале хотела сдаться властям. Но он бы мне не позволил.

– Он бы вам не позволил?

– Частью любого поклонения является абьюз. Я узнала это на своей шкуре. Те, кто сильно любит Бога, столь же сильно Его боится. Даже слово есть такое – «богобоязненный». Самые фанатично преданные, постоянно глаголющие о Божьей любви – это всегда те, кто бредит адскими муками и вечным проклятием. Отсюда вопрос: любила я Рая или боялась его? Не знаю, насколько широка черта, отделяющая одно от другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.